

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

В.Д. КУБАРЕВ, Г.В. КУБАРЕВ

**КАМЕННЫЕ ИЗВЯНИЯ ДРЕВНИХ ТЮРОК
ЮЖНОЙ СИБИРИ**

КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ
МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
И ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ
ИАЭТ СО РАН

Ответственный редактор
академик *В.И. Молодин*

Новосибирск
Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
2013

УДК 904
ББК Т4(2Р57)+Ч77
К88

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

*Работа выполнена при поддержке Министерства образования
и науки Российской Федерации:
НИР 6.1541.2011 «Особенности этнодемографических процессов в Сибири
в эпоху палеометалла»*

Фотографии Г.В. Кубарева

Геологи-консультанты
В.И. Богнибов, Я.М. Гумак, А.М. Боровиков, Н.А. Кулик

Кубарев, В.Д., Кубарев, Г.В.
К88 Каменные изваяния древних тюрок Южной Сибири: каталог коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН / В.Д. Кубарев, Г.В. Кубарев; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – 79 с.

ISBN 978-5-7803-0230-8

В Музее истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурном музее под открытым небом ИАЭТ СО РАН хранится уникальная коллекция изваяний древних тюрок Алтая и Тувы, включающая 54 каменные скульптуры.

В каталоге представлена исчерпывающая информация об экспонатах, сопровождаемая качественным иллюстративным материалом, приведена обширная библиография.

Издание адресовано археологам, историкам, музеинным работникам, преподавателям, студентам, а также всем, кто интересуется древней историей и культурой Сибири.

УДК 904
ББК Т4(2Р57)+Ч77

ISBN 978-5-7803-0230-8

© Кубарев В.Д., Кубарев Г.В, 2013
© ИАЭТ СО РАН, 2013

ОТ РЕДАКТОРА

Уважаемый читатель! Перед Вами каталог коллекции древнетюркских изваяний из фондов Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН. Эта книга является продолжением серии путеводителей по музеям, которые помогают многочисленным посетителям ближе познакомиться с экспозицией, а также могут использоваться профессионалами при работе с данными материалами как с историческими источниками (см. напр.: [Музей..., 2012]).

Напомню, что идея создания наших музеев принадлежала основателю ИАЭТ СО РАН академику Алексею Павловичу Окладникову. Первые привезенные в институт каменные изваяния, в т.ч. и древнетюркские, сначала выставлялись на территории, прилегающей к его коттеджу, что вызывало огромный интерес у жителей и гостей Академгородка. Тогда же был опубликован и первый путеводитель, посвященный этой выставке [Древние изваяния..., 1980].

Коллекция каменных изваяний была сформирована в основном благодаря археологическим исследованиям научных сотрудников нашего института; несколько стел были подарены музею специалистами из других организаций, работавшими в Южной Сибири. Наибольшее количество древнетюркских изваяний собрано на территории Республики Алтай д-ром ист. наук Владимиром Дмитриевичем Кубаревым. Изучавший каменные изваяния как исторический источник, он посвятил им три книги и многочисленные статьи (см. список рекомендуемой литературы).

Музеефикация этих памятников была вынужденной мерой, поскольку стелы находи-

лись под постоянным антропогенным воздействием. Их ломали техникой при обработке полей (в лучшем случае выкапывали и оттаскивали за пределы возделываемых участков). Кроме того, памятники являлись объектом пристального внимания «диких» туристов. В 1990-е гг. появилась еще одна беда – изваяния стали воровать уже с целью продажи, поскольку в стране появился рынок антиквариата. Стремясь сохранить каменные изваяния, ученые перевозили их в музей Горно-Алтайска и Новосибирска.

В 1990-е гг., несмотря на известные трудности в стране, институт уделял огромное внимание оснащению и обустройству своих музеев. Благодаря энтузиазму директора ИАЭТ СО РАН академику А.П. Деревянко значительно пополнилось число экспонатов Историко-архитектурного музея. Именно здесь была развернута экспозиция каменных изваяний Сибири и Дальнего Востока, существенной частью которой являются древнетюркские скульптуры.

В данном каталоге, подготовленном Г.В. Кубаревым, содержится исчерпывающая информация о коллекции древнетюркских монументальных памятников, хранящихся в музеях ИАЭТ СО РАН, дается их краткая характеристика, а главное – фотографии изваяний, наглядно демонстрирующие их сегодняшнее состояние. Важно и то, что в работе представлена обширная библиографическая справка, ориентированная не только на специалиста и подготовленного читателя, но и просто любителя древностей, интересующегося историей нашей родной Сибири.

Академик В.И. Молодин

ФЕНОМЕН ДРЕВНЕТЮРКСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВЯНИЙ

Археологические коллекции Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока и Историко-архитектурного музея под открытым небом Института археологии и этнографии СО РАН сформировались в результате деятельности археологических экспедиций, работавших на протяжении нескольких десятилетий в различных регионах Сибири, Дальнего Востока и Центральной Азии. Наиболее яркую и многочисленную группу экспонатов составляют каменные изваяния древних тюрок, обнаруженные и исследованные В.Д. Кубаревым на Алтае и Ю.С. Худяковым в Туве.

На просторах степей и в горных долинах Алтая и Тувы до наших дней сохранились памятники монументального искусства, установленные в древности. Они представлены энеолитическими стелами с чашечными углублениями и редкими изображениями животных, изваяниями эпохи бронзы, оленими камнями и древнетюркской скульптурой, а также необработанными стелами и менгирями, размещенными в курганных могильниках, в устьях рек, на перекрестках дорог и троп кочевников, на перевалах и у подножия священных в древности гор. Рядом с такими монументами археологи часто находят следы древних и даже современных жертвоприношений. Надо полагать, эти изваяния являлись частью древних родовых и племенных святилищ, в которых на протяжении многих столетий совершались праздники и моления, связанные с почитанием предков и культом плодородия. В особую группу монументальных памятников Центральной Азии следует выделить древнетюркские каменные изваяния, которые и сегодня можно увидеть на Алтае и в Туве (рис. 1).

Предки современных тюркоязычных народностей Южной Сибири – алтайцев, тувинцев,

хакасов и шорцев, судя по археологическим и письменным данным, обитали в восточной части Центральной Азии, севернее пустыни Гоби. Их кочевья распространялись также на территорию современных республик Алтай и Тыва. Это были два крупных объединения кочевых племен под названием *теле* и *тюю*. Именно они сыграли главную роль в истории Южной Сибири в эпоху раннего средневековья (VI–X вв. н.э.).

Согласно китайским династийным хроникам, 15 телеских племен обитали в Монголии, а также к северу от нее – в Саяно-Алтайском нагорье. Их точная локализация относительно друг друга затруднена. Сам же факт их расположения севернее тюрков-тюю подтверждают и тюркские рунические надписи в каганских поминальных памятниках Монголии: «слева от тюрок (т.е. на севере) народ токуз-огузов» [Малов, 1950, с. 38, 40]. Таким образом, телеские древности (изваяния и поминальные сооружения, курганы, наскальные рисунки и др.) должны быть представлены на территории Алтая и Тувы. Однако в том же тексте в честь тюркского полководца Кюль-Тегина сообщается, что народ токуз-огузов был «мой собственный народ», а сам автор обращается к тюркским и огузским бегам и народу [Малов, 1950, с. 39, 42]. Именно поэтому можно утверждать, что Первый (551–630 гг.) и Второй (687–742 гг.) Тюркские каганаты представляли собой племенной союз или конфедерацию родственных тюркоязычных племен с близкими материальной и духовной культурой, погребальными и поминальными обычаями.

Первые образцы монументальной каменной скульптуры известны уже в начальный период появления на горных и степных пространствах Центральной Азии древних тюрок, создавших свою государственность в VI в. н.э. Политической основой, а также важным усло-

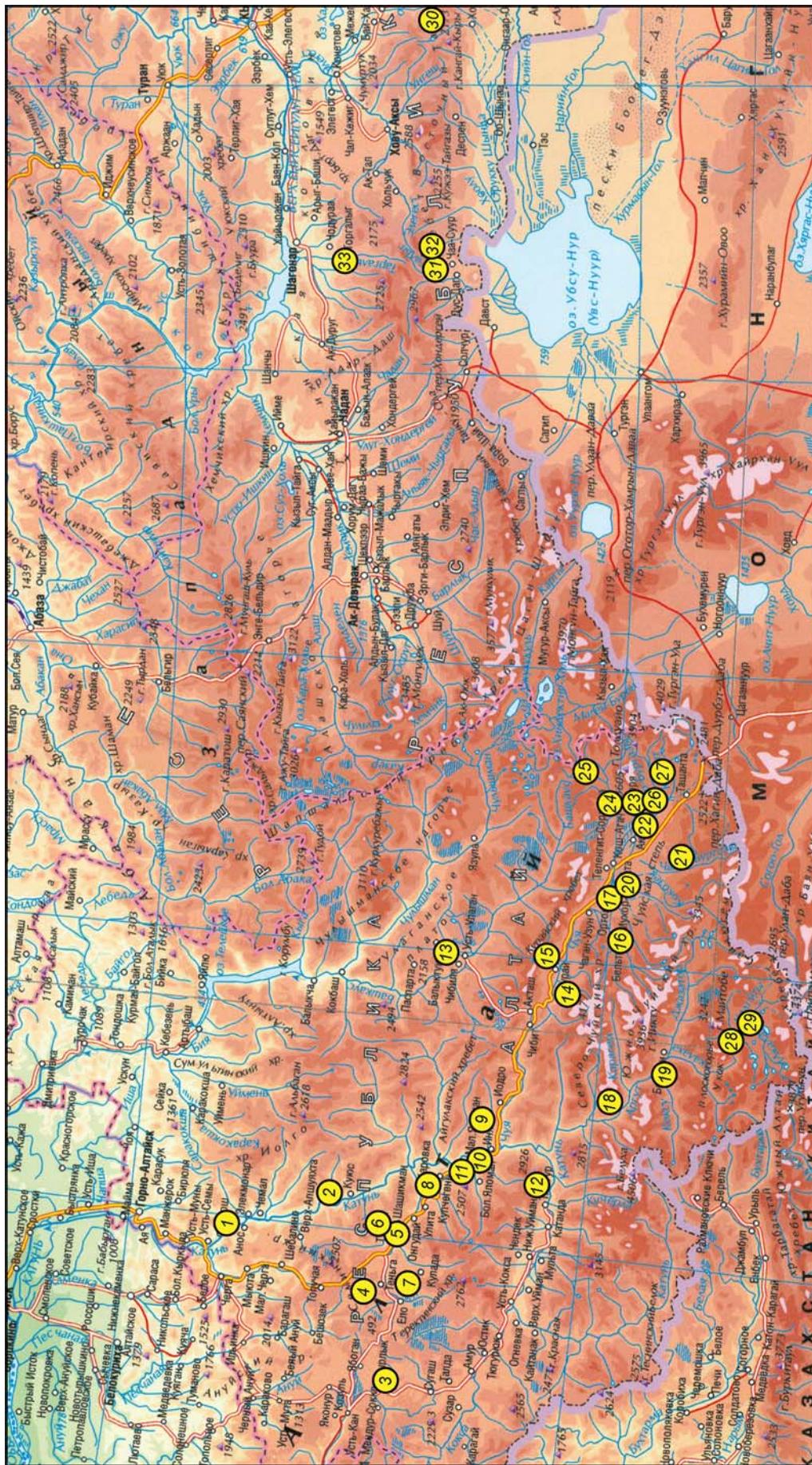

Рис. 1. Карта распространения древнетюркских изваяний на территории Республики Алтай и Тывы.

1 – Верх-Чептоп; 2 – Куюс; 3 – Шиверт; 4 – Тенгэ; 5 – Онгудай; 6 – Куртота, Нижняя Тапта; 7 – Кулада; 8 – Айтэны; 9 – Айлагун; 10 – Бель; 11 – Казна; 12 – Тургунда; 13 – Кызыл-Маны, Узун-Язы; 14 – Актуру; 15 – Курайская степь; 16 – Сокту-Кобы; 17 – Тортон; 18 – Кеме-Кеч; 19 – Самаха, Макажан; 20 – Мухор-Тархаты; 21 – Чатанбургазы; 22 – Терс-Акан; 23 – Кара-Доргун; 24 – Дээр-Тебе; 25 – Малгатуу; 26 – Туру-Алты; 27 – Чадыр, Юстыл; 28 – Кальжин; 31 – Харар-Тей; 32 – Халыр; 33 – Ак-Тал, Торгыт.

вием консолидации и культурного расцвета алтайских народностей в средневековую эпоху послужило возникновение могущественного Первого Тюркского каганата. Это крупное объединение племен, по существу, было первой евразийской империей, границы которой простирались от Корейского залива на востоке до Крымского полуострова на западе, от пустыни Гоби на юге до озера Байкал и границы с таежным краем на севере. Одним из проявлений новой средневековой культуры и стала древнетюркская каменная скульптура.

Древнетюркские изваяния, относящиеся к раннетюркскому (VI – первая половина VII в.), а возможно, и предтюркскому периоду (V в.), образуют довольно представительную группу среди всего массива подобных памятников Центральной Азии и Южной Сибири. Они обнаруживают большое разнообразие: от антропоморфных стел и т.н. лицевых изваяний до монументов с повествовательными сценами в нижней части, а также очень реалистичных скульптур. В этот период поминальные памятники, как и иконография самих изваяний, у древних тюрок Алтая и Тувы еще не получили своего классического, завершенного вида. Древние тюрки Сая-

но-Алтая продолжали устанавливать изваяния на протяжении всей второй половины I тыс. н.э. Этому не помешали ни потеря ими собственной государственности в 742 г., ни образование сначала Уйгурского (745–840 гг.), а затем и Кыргызского каганатов (середина IX – XI в.). Более того, число древнетюркских изваяний периода VIII–IX вв., судя по изображенным на них реалиям, достаточно велико и составляет едва ли не половину их общего количества. Это не удивительно, если учесть тот факт, что Алтай не вошел в состав Уйгурского каганата, а подчинение кыргызам было номинальным. В отличие от Алтая, Тува была подчинена сначала уйгурами, а затем и кыргызами. Некоторое время на территории Тувы располагалась ставка кыргызского кагана. Тем не менее и здесь во второй половине VIII – X в. продолжало проживать многочисленное древнетюркское население, сохранившее свою погребально-поминальную обрядность.

Сотни древнетюркских каменных изваяний (по-древнетюркски *bediz*) высятся в степях и межгорных котловинах Южной Сибири, Центральной и Средней Азии (рис. 2). Их точное число не поддается подсчету. Только на территории Российской Алтая найдено

Рис. 2. Древнетюркский поминальный комплекс у горы Шивээт-Хайрхан на р. Цагаан-Салаа, Монгольский Алтай.

и обработано более 300, в Туве – по меньшей мере 100, а в Монголии – свыше 600 скульптур. Если учесть, что многие из них более чем за тысячелетний период истории были вывезены с места первоначальной установки, разбиты и уничтожены врагами древних тюрков, не сохранились, будучи изготовленными из дерева, или просто представляли собой слегка подтесанные камни с антропоморфными очертаниями, то их число должно было составлять десятки тысяч.

Подавляющее большинство древнетюркских изваяний Центральной и Средней Азии достаточно схематичны, и даже примитивны. Объяснение этому, по-видимому, нужно искать в социально-имущественном положении рядовых членов древнетюркского общества – воинов или лиц других сословий (отсутствие возможности нанять профессионального каменотеса-скульптора, изготовление изваяния собственными силами и т.п.). Однако нормы и традиции погребально-поминальной обрядности древних тюрков требовали изготовления и установки каменной или деревянной скульптуры, передающей облик покойного, по-видимому, даже в том случае, если портретное сходство не было достигнуто.

Тем не менее известно большое число реалистичных и объемных изображений представителей древнетюркской знати, в особенности на территории Монголии и Семиречья. Эти изваяния отличает индивидуальность в изображении черт лица, в покрове костюма, вплоть до воспроизведения орнамента шелковой ткани кафтаны, наличия знаков социального и имущественного статуса (головных уборов, гринен, серег, браслетов, поясов, дорогостоящего оружия). Наиболее тщательно выполненные фигуры представителей древнетюркской элиты Алтая и Тувы также показаны в парадном облачении, с клиновидным оружием (сабля и кинжал) на поясе, набранном фигурными бляхами. Обычно в правой руке знатного воина находится чаша или кубок, левая опущена на рукоять меча или сабли (рис. 3, 4). Эту позу можно считать канонической для древнетюркских изваяний. Статуи, вытесанные из белого мрамора или известняка, в древности раскрашивались, передавая всю цветовую гамму богатого одеяния знатных тюрок.

Анализируя реалии, изображенные на каменных фигурах, можно получить определенную информацию. Для этого археологами используется метод сопоставления предметов

Рис. 3. Древнетюркское изваяние в местности Чадыр, Российский Алтай.

Рис. 4. Древнетюркское изваяние в местности Туру-Алты, Российский Алтай.

с конкретными находками из древнетюркских погребений (рис. 5–7) или корреляции их с другими изобразительными памятниками Центральной и Средней Азии. Отдельные элементы костюма и вооружения позволяют определить примерную дату изготовления каменных фигур и их этнокультурную принадлежность. Подобно многим чертам погребальной обрядности (сопогребение коня, сооружение курганной насыпи, возведение балбалов и др.), элементам материальной и духовной культуры, традиция установки антропоморфных изваяний у древних тюрок уходит своими корнями в эпоху бронзы – раннего железного века.

Любопытно, что древние тюрки довольно часто вторично использовали монументаль-

Рис. 5. Серебряный сосуд из погребения в кург. 11 могильника Балык-Соок I, Российский Алтай.

Рис. 6. Золотая серьга с жемчужинами из погребения в кург. 11 могильника Балык-Соок I, Российский Алтай.

ные памятники предшествующих эпох, прежде всего т.н. оленные камни эпохи поздней бронзы – раннего железного века (VIII–V вв. до н.э.). Такие факты известны по древнетюркским поминальным памятникам Алтая, Тувы и Монголии. Из оленных камней иногда возводили стены оградки, но чаще всего они служили изваянием. При этом их могли использовать либо без каких-либо дополнительных выбивок-изображений, либо воспроизведя лицо, руки, пояс и т.п. Несмотря на то что изображения личин собственно на оленных камнях крайне редки, идея воплощения в них воина с поясом, оружием, серьгами и другими атрибутами была близка и понятна древним тюркам. Ярким примером этому являются два

Рис. 7. Наборный пояс из серебряных блях из погребения в кург. 11 могильника Балык-Соок I, Российский Алтай.

экспоната из коллекции музеев ИАЭТ СО РАН, происходящие из Тувы, из памятника Халыр (см. кат., № 52, 53). Они представляют собой лицевые древнетюркские изваяния, личины которых выбиты на тыльной стороне небольших оленных камней. Эти оленные камни были взяты из расположенных неподалеку от древнетюркского поминальника керексуров.

Еще одной иллюстрацией вторичного использования древними тюрками монументальных памятников эпохи бронзы являются два изваяния из местности Чадыр на Алтае (см. кат., № 42, 43). На вкопанных в небольших квадратных оградках эпохи бронзы стелах один и тот же древнетюркский мастер выбрал по личине. Камни даже не были перемещены с места своей первоначальной установки.

Несмотря на скучность изобразительных средств, древнетюркские изваяния удивительно индивидуальны и имеют портретное сходство с конкретными людьми, жившими на территории Саяно-Алтая более тысячи лет назад. Давно забыты их имена, но алтайский и тувинский народы в недрах своей памяти сохранили сказания о кезерах – воинах, об их ратных подвигах и происхождении. Согласно одной из легенд, записанной в китайских династийных хрониках, предки тюрок обитали в Гаочане (Восточный Туркестан) и были совершенно истреблены соседним владетелем. Уцелел лишь десятилетний мальчик. Волчица спасла мальчика, а позднее появилась в горах к северо-западу от Гаочана и родила от него десять сыновей, каждый из которых возглавил отдельный род. В их числе был Ашина, признанный впоследствии правителем. По мнению известного китаиста Н.Я. Бичурина, речь здесь должна идти о горах Алтая, его узле, где берет начало р. Чуя. Действительно, описание равнины, со всех сторон окруженной горами, напоминает реальную топографию Чуйской

степи. Сам этноним *тукюе* (тюрк), согласно преданиям, означает *шлем*, форму которого и повторяли алтайские горы. Легенда о происхождении тюркского племени во главе с вождем Ашиной нашла отражение в алтайском героическом эпосе, где описывается воспитание мальчика волком.

Для чего же древние тюрки изготавливали и устанавливали эти скульптуры? Наиболее убедительной и обоснованной представляется гипотеза об изваянии как двойнике и временном вместилище одной или нескольких душ умершего человека. У многих современных тюркоязычных народов до недавнего времени сохранилась традиция не только воплощения облика покойного в кукле или чучеле из его одежды, но и изготовления деревянного или каменного изваяния умершего. При этом реалистичность и портретное сходство с умершим было необязательным, и каменное изваяние не являлось предметом широкого культа, а почиталось только ближайшими родственниками. Древние тюрки изготавливали и устанавливали изваяния прежде всего воинов, а также состоятельных и влиятельных членов общества.

Как правило, древнетюркские изваяния воспроизводили мужчину-воина, хотя на территории Семиречья имеется небольшая группа женских скульптур. Однако только на одной трети древнетюркских изваяний Алтая изображен пояс – неотъемлемая составляющая мужского костюма. Еще одну треть образуют т.н. лицевые изваяния – те, на которых выбито только лицо. Не означает ли это, что какая-то часть алтайских изваяний передает образ женщины? Такая же закономерность выявлена и при изучении древнетюркских изваяний Тувы и Монголии. В редких случаях у оградки вкапывались парные изваяния, одно из которых, с оружием и поясом, – мужское, другое, предельно схематичное лицевое изваяние, – женское. По-види-

мому, они олицетворяли собой мужа – воинабатыра и его жену – катун. Подтверждением этой идеи являются обнаруженные недавно на Алтае в долине сухой реки Апшиякты две стелы, на каждой из которых выбиты две личины: сверху – мужская, а снизу – женская в трехрогом головном уборе. Таким образом, уже сейчас можно утверждать, что часть древнетюркских изваяний Алтая изображала женщин.

Скульптурные монументы, как правило, устанавливались у восточной стороны т.н. оградок – квадратных сооружений из вертикально вкопанных плит; внутреннее пространство этих сооружений обычно заполнялось камнями (рис. 8, 9). Древнетюркская поминальная оградка представляет собой не что иное, как ритуальное вместилище *сунезин* – души умершего. Оградка являлась основанием небольшого мемориального святилища, представлявшего собой навес на нескольких деревянных столбах-колоннах либо деревянную каркасную постройку в виде небольшого жилища. Подобные конструкции алтайцы и казахи до сих пор сооружают на могилах своих родственников. В центре оградки ставилась срубленная лиственница, выходившая вершиной в отверстие крыши и символизировавшая мировое дерево, связывавшее средний,

нижний и верхний миры. В жертву приносилась лошадь или овца, предназначенная для угощения умершего, шамана и родственников. Иногда у западной стенки оградки археологи фиксируют жертвенную ямку с вещами (рис. 10). В числе пожертвованных предметов могли оказаться несколько панцирных пластин, наконечники стрел, стремена, деревянная посуда, реже – серебряные или даже золотые сосуды. Любопытно, что в отличие от древнетюркских погребений в поминальных оградках довольно часто встречаются вотивные предметы – уменьшенные и нефункциональные копии вещей, изготовленные специально для поминального ритуала (рис. 11, 12). С северной или восточной стороны оградки-жилища разводился костер для кормления *сунезин*. По-видимому, на определенном этапе совершения ритуала и сооружения оградки лиственничные стволы или деревья возвышались над ней, а впоследствии намеренно подрубались и закапывались. В то же время на некоторых оградках лиственницы оставались в вертикальном положении и после сооружения насыпи. Очевидно, создание оградки не было единовременным актом: сначала устанавливались вертикальные плиты, столб-дерево в центре, обустраивался жертвенник в ямке (рис. 13). При этом в течение определенно-

Рис. 8. Древнетюркское изваяние, вкопанное у восточной стороны поминальной оградки, в верховьях р. Хар-Ямаатын-гол, Монгольский Алтай.

Рис. 9. Поминальная оградка № 5 после зачистки. Кызыл-Шин, Российский Алтай.

Рис. 10. Жертвенник внутри поминальной оградки № 5. Кызыл-Шин, Российский Алтай.

Рис. 11. Вотивный деревянный сосуд из оградки № 5. Кызыл-Шин, Российский Алтай.

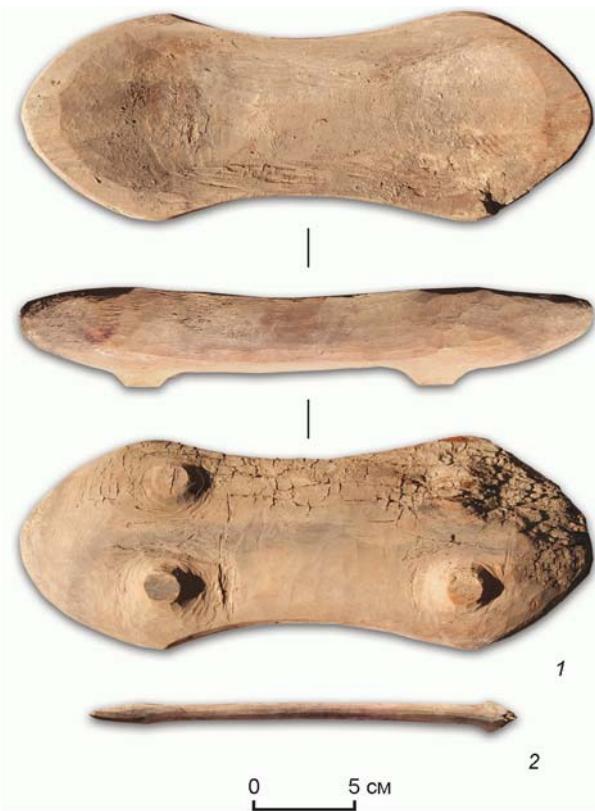

Рис. 12. Вотивные предметы из оградки № 5. Кызыл-Шин, Российский Алтай.
1 – деревянное блюдо; 2 – шпилька (?).

Рис. 13. Поминальная оградка № 5 с жертвенником и лиственничным столбом в центре после выборки заполнения. Кызыл-Шин, Российский Алтай.

Рис. 14. Вид на поминальные оградки с рядами балбалов в долине р. Бугузун, Российский Алтай.

го времени проводились ритуалы общения и прощания с душой умершего. На следующем, заключительном этапе происходило срубание ствола и возводилась насыпь из камней внутри оградки. Однако в некоторых случаях ствол (или дерево) сознательно оставляли, и он возвышался и после сооружения насыпи оградки.

Изваяние изображало умершего, и в нем временно, до окончания поминального цикла, была заключена его душа. Таким образом, умерший сам участвовал в собственных поминках. На восток от оградки-жилища и изваяния возводили ряд из вертикально вкопанных камней – балбалов (рис. 14). Они «дарились» родственниками и гостями, участвовавшими в поминках, о чем свидетельствуют высеченные на них родовые тамги и надписи.

Тюркским каганам и знати, в отличие от рядовых членов общества, сооружали большие поминальные комплексы, в которых переплелись элементы собственно тюркского поминального обряда с китайскими погребальными традициями, символикой и архитектурой (стела с текстом и драконовым навершием, основание для стелы в виде черепахи, аллея из скульптур и т.д.). Поминки тюркского кагана выходили за рамки исключительно по-

минальной церемонии и открывали большие возможности для установления дипломатических и экономических контактов между разделенными значительными расстояниями кочевниками и оседлыми народами.

В скульптуре древних тюрок, в той или иной степени испытавшей влияние буддизма, манихейства, маздеизма и развивавшейся в традициях согдийской художественной школы, нашли отражение не только шаманистские, но и дошаманистские религиозные представления. Об этом свидетельствует реконструкция древнетюркского поминального обряда по археолого-этнографическим источникам. В его основе лежат древнейшие представления, связанные с культом предков. Отсюда – удивительное сходство погребально-поминальных обрядов алтайских и тувинских тюрок с традиционными похоронными обычаями тюркоязычных народов Сибири.

Изучение картографических данных об изваяниях тюрок Алтая и Тулы со всей очевидностью показало, что места для сооружения этих памятников выбирались в основном в межгорных котловинах и долинах рек. Как правило, это были красивые и комфортные для пребывания возвышенности с панорамой на окружающую местность, где и протекала повседнев-

Рис. 15. Фрагмент расколотого в древности изваяния. Малтalu, Российский Алтай.

ная жизнь кочевников. Вместе с тем иногда изваяния устанавливались группами от четырех-пяти до полутора десятков фигур в глухих труднодоступных местах. В частности, такие закрытые от постороннего глаза урочища известны в Кеме-Кечу и Кырландын-Кини на р. Аргут, в местности Кыпчыл на р. Аюты, в долинах рек Чаганбургазы и Барбургазы, у горы Шивээт-Хайрхан на р. Цагаан-Салаа (см. рис. 2) и во многих других районах географического Алтая. Рядом с ними нет ни одновременных погребальных сооружений, ни других археологических памятников. Возможно, это были небольшие родовые святилища, внешним видом напоминающие сезонные поселения средневековых кочевников. По представлениям древних тюрок Алтая, в таких «поселках мертвых» какое-то время обитали души умерших сородичей. По такому же принципу группировались и более поздние половецкие статуи. Исследователи считают, что это были специальные, устроенные в отдалении от могил культовые места, в которых происходили обряды поминального цикла и совершились жертвоприношения предкам.

При раскопках древнетюркских поминальных оградок археологи часто фиксируют частичное их разрушение и осквернение

(смещение стенок, выброс заполнения и т.д.) еще в древности. Наиболее ярким примером такого осквернения и «уничтожения» памятника являлось скальвание головы либо верхней части скульптуры. Как правило, изваяния оказывались поваленными, а иногда были разбиты на несколько частей (рис. 15). Часто сколотую в древности голову находят в слое дерна в непосредственной близости от изваяния (рис. 16). По-видимому, такие действия с наиболее значимой частью человеческого тела – головой – имели символическое значение и подразумевали «смерть» скульптуры, в которой был воплощен реально живший человек. Рассматриваемая коллекция изваяний из фондов музеев ИАЭТ СО РАН наглядно иллюстрирует подобную практику осквернения и разрушения древнетюркских монументальных памятников. Этот феномен, очевидно, следует связывать с врагами древних тюрок – уйгурами и кыргызами – и с такими политическими и военными событиями конца I тыс., как образование Уйгурского (745–840 гг.), а затем и Кыргызского каганатов, а также с кыргызской экспансией в середине IX – XI в.

Древнетюркские памятники, в т.ч. и изваяния, Центрального и Южного Алтая и Юго-Западной Тувы чрезвычайно близки друг другу, что свидетельствует о тесных и, возможно, родственных отношениях между оставившими их группами людей. Вместе с тем существуют и отличия. В Туве кроме собственно древнетюркских изваяний, изображающих людей в канонической для древних тюрок позе, известны и уйгурские скульптуры. Последние по иконографии сильно отличаются от древнетюркских. На них изображены своеобразные головные уборы, пояса с большим количеством подвесных ремешков и лировидными подвесками. Как правило, на уйгурских изваяниях не воспроизводилось клинковое оружие, а суд поддерживался обеими руками. Уйгуры не устанавливали свои изваяния у поминальных оградок подобно древним тюркам. Кроме того, у поминальных оградок со рвами древнетюркской знати на Алтае отсутствуют скульптурные изображения львов, черепах, сидящих людей, подобно тому как это зафиксировано в Центральной Монголии, Туве и Семиречье. Однако представленные в коллекции музеев ИАЭТ СО РАН изваяния из Тувы являются именно древнетюркскими – лицевыми либо в канонической позе (в правой руке сосуд, левая – на поясе или оружии).

Все народы Центральной Азии считали древние могильники и современные кладби-

Рис. 16. Изваяние со сбитой в древности головой. Кыйу, Российский Алтай.

ща заповедными обителями духов предков. Обычно один раз в году в местах погребений устраивали специальные жертвоприношения в память об умерших сородичах. В качестве главного жертвеннного животного использовали коня. Например, у древних тюрок и монголов мясо жертвеннного коня съедали родственники за упокой души умершего, а голову и шкуру вывешивали на шесте рядом с могилой или местом совершения обряда поминок – у каменного изваяния покойного. Поэтому многие каменные монументы Азии до сегодняшнего дня служат объектом почитания, а некоторые реалистичные древнетюркские изваяния имеют даже собственные имена. Так, на Алтае в Кош-Агачском р-не были известны каменные фигуры человека под именами *Акташ* и *Кезер*, в Монголии – *Даян батыр*, *Увихай*, *Ловх*, *Лам чулуу*, в Туве – *Чингисхан* и т.д. С каждой из них связаны легенды и суеверия, а у отдельных

фигур до сих пор совершаются шаманистские и ламаистские обряды.

Одной из актуальных проблем изучения древнетюркских мемориалов является то, что эти уникальные памятники средневековых кочевников буквально исчезают на наших глазах. Простоявшие тысячи лет не тронутыми превратностями судьбы, они гибнут в наше время под колесами и гусеницами мощных тракторов. В лучшем случае их выворачивают и искореженными сгребают в большие каменные кучи на краю поля.

Археологам удалось обработать и частично сохранить довольно представительную серию монументов различных эпох. Сейчас на территории Российского и Монгольского Алтая учтено ок. 400 каменных изваяний древних тюрок. Однако многие из них известны только по редким музейным рисункам и архивным фотографиям. Некоторые скульптуры, найден-

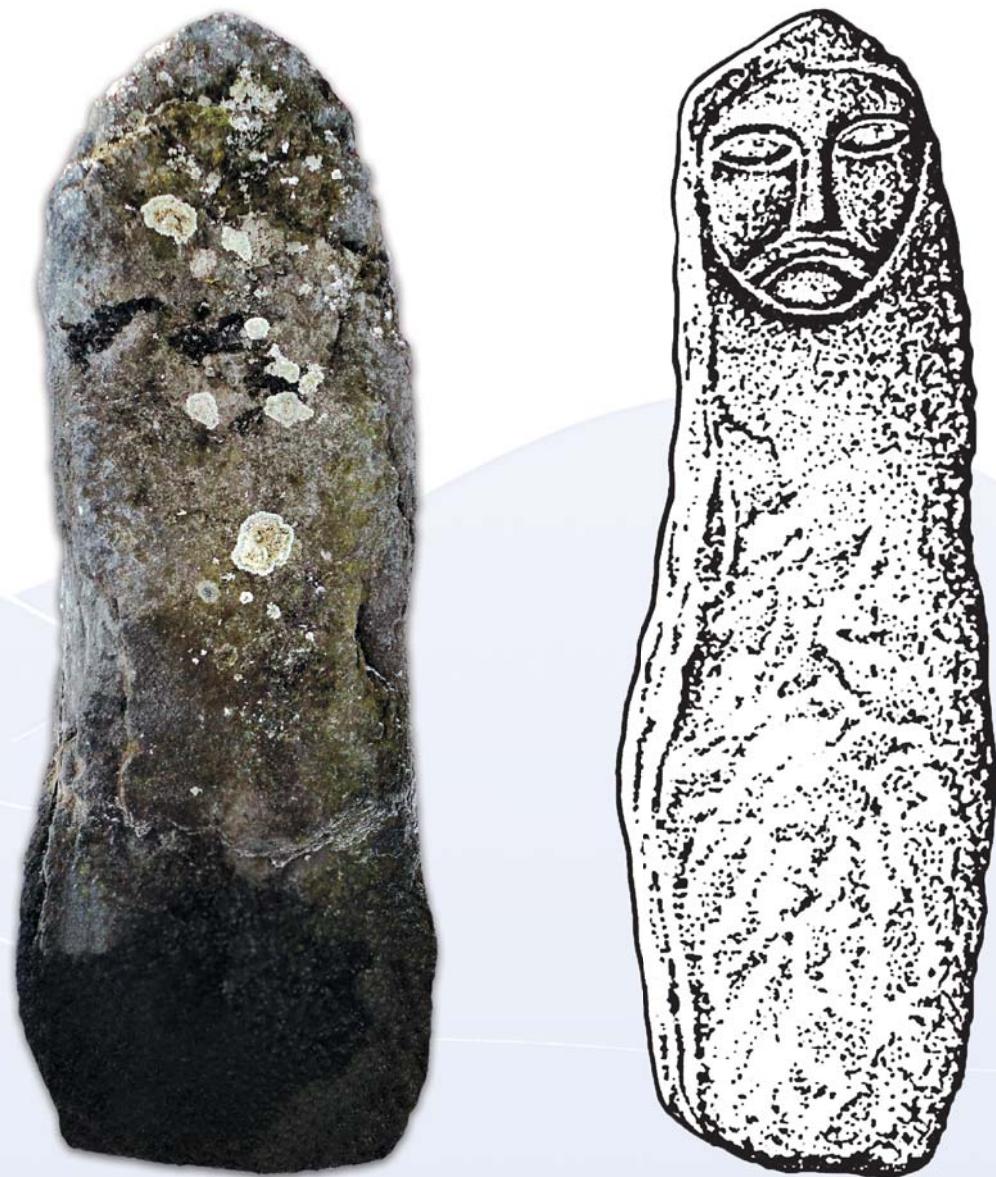
Рис. 17. Древние изваяния Сибири в саду при коттедже академика А.П. Окладникова, 1970-е гг.
Фото В.Д. Кубарева.

ные в окрестностях алтайских сел Джазатер, Бельтыр, Кош-Агач, Ортолык, Курай, были вывезены в Новосибирск и в настоящее время выставляются в ИАМ и МИКНС ИАЭТ СО РАН. Коллекция каменных изваяний этих музеев формировалась начиная с 1970-х гг. Первые образцы древнетюркской скульптуры Алтая до перемещения в музеи нашли приют в саду, расположенному рядом с коттеджем академика А.П. Окладникова (рис. 17), где проводились бесплатные экскурсии для всех желающих прикоснуться к древней истории.

Сегодня средневековые изваяния экспонируются во многих сибирских городах – Горно-Алтайске, Бийске, Барнауле, Новосибирске, Кемерово и Томске. Одна очень реалистично выполненная скульптура с р. Аюты (Кош-Агачский р-н Республики Алтай) в 1964 г. была вывезена в Государственный Эрмитаж (г. Санкт-Петербург). Самой же значительной по числу тюркских каменных изваяний коллекцией в настоящее время владеют музеи ИАЭТ СО РАН. В их экспозициях и фондах находится 55 скульптур.

КАТАЛОГ

1. Древнетюркское лицевое изваяние*

Верх-Чепош** (Республика Алтай, Чемальский р-н). VI–X вв.
Сланец-катаклазит (?), техника точечной выбивки. 86×32×10 см.
Инв. № МИКНС 4856/94 осн.

Входило в состав раннесредневекового поминального комплекса, насчитывающего 20 сильно задернованных каменных конструкций. Поминальник расположен к югу от с. Чепош, близ устья р. Верх-Чепош, на правом берегу Катуни. Найдено лежащим лицом вниз у восточной стороны подпрямоугольно-овального каменного сооружения (4,5×2,5 м), длиной осью ориентированного по линии северо-восток – юго-запад. В ходе раскопок внутри и снаружи сооружения зафиксированы кости животных (барана и лошади).

Выполнено на плите светло-серого цвета, расширяющейся книзу. Техникой точечной выбивки наиболее четко нанесена линия-желобок, отделяющая голову от основного монолита. Для передачи черт лица использован естественный рельеф камня. Угадываются рельефно выделенные скулы, нос, брови и глаза. Небольшой рот показан узкой выбитой полосой. Верх камня подработан и воспроизводит, вероятно, островерхий головной убор.

Сборы А.П. Бородовского [2001, с. 176, рис. 1, 2].

*Прорисовка А.П. Бородовского.

**Каталог построен по географическому принципу: вначале приведены изваяния с территории Республики Алтай (с севера на юг), а затем – с территории Южной Тувы.

2. Древнетюркское лицевое изваяние

Куюс (Республика Алтай, Чемальский р-н). VI–X вв.

Туф среднего эффузива, техника точечной выбивки и шлифовки, низкий барельеф. 109×24×15 см.

Инв. № МИКНС 4856/37 осн.

Обнаружено в окрестностях с. Куюс, на правом берегу р. Катуни. Стояло среди огромных глыб древнего камнепада, у края вспаханного поля. Выполнено на плите светло-коричневого цвета, верхней части которой приданы очертания головы человека. Детали лица воспроизведены в низком рельефе: на скуластом монголоидном лице выделены нос, смыкающийся с бровями, глаза, маленький рот и усы.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 103, табл. I, 6*].

*Здесь и далее полужирным курсивом обозначен номер, под которым данное изваяние приводится в указанной монографии.

3. Древнетюркское лицевое изваяние

Куюс (Республика Алтай, Чемальский р-н). VI–X вв.

Туф, техника точечной выбивки, низкий барельеф. 82×26×15 см.

Инв. № МИКНС 4856/33 осн.

Обнаружено в окрестностях с. Куюс, на правом берегу р. Катуни, в группе из 10 поминальных оградок. Было установлено у восточной стенки оградки (1,6×1,5 м) и ориентировано лицевой частью на юг – юго-восток. На юго-восток от изваяния первоначально отходил ряд балбалов: сохранились два поваленных камня.

Выполнено на продолговатом валуне с естественным расширением вверху. Рельефно воспроизведены детали лица: глаза, брови, нос, рот. Овал лица показан сплошной выбитой линией.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 104, табл. I, 7].

4. Изваяние древнетюркского воина

Куюс (Республика Алтай, Чемальский р-н). VI–X вв.

Ксенотуф, техника точечной выбивки, барельеф. 125×35×6 см.

Инв. № МИКНС 4856/38 осн.

Обнаружено у зимника, расположенного вниз по правому берегу р. Катуни и в 5 км на запад от с. Куюс. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. Черты лица (нос, брови, глаза) воспроизведены при помощи выборки-углубления фона вокруг них. Правая рука, согнутая в локте под острым углом, на уровне груди держит сосуд. Едва различимая левая рука опущена на пояс.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 104, табл. I, 8].

5. Древнетюркское лицевое изваяние

Куюс (Республика Алтай, Чемальский р-н). VI–X вв.

Туф среднего эффузива, техника точечной выбивки. $61 \times 18 \times 7$ см.

Инв. № МИКНС 4856/34 осн.

Обнаружено в окрестностях с. Куюс. Точное первоначальное местонахождение изваяния не установлено, т.к. оно было принесено местными жителями. Выполнено на продолговатом валуне. Из общего массива камня путем подработки-выбивки выделены голова и плечи. На лице изображен нос, а также узкими полосками – глаза и рот. Ниже двумя ямками намечены нагрудные бляхи или грудь.

Сборы А.П. Погожевой [Кубарев В.Д., 1984, с. 104, табл. I, 9].

6. Изваяние древнетюркского воина

Шиверта (Республика Алтай, Усть-Канский р-н). VI–X вв.

Мозаично-зернистый мраморированный известняк, техника точечной выбивки и шлифовки, барельеф. 56×34×8 см.

Инв. № МИКНС 4856/82 осн.

Обнаружено в окрестностях с. Шиверта. Голова выделена из монолита глубоким желобком-выемкой, показаны шея и плечи. На широком монголоидном лице детали нанесены в низком рельефе, за исключением рта, который выполнен небольшим овальным углублением. В таком же невысоком рельефе изображены согнутые в локтях руки с подчеркнуто сильными трапециевидными мышцами. Правая рука согнута в локте и держит на уровне груди миниатюрный сосуд. Левая рука сжимает рукоять слабоизогнутой сабли в ножнах. Пояс на талии выделен подшлифовкой. На правом боку – частично сколотое изображение сумочки. Изваяние повреждено сколами в верхней и нижней частях.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 105–106, табл. II, 15].

7. Древнетюркское лицевое изваяние

Теньга (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.

Порфирит, техника точечной выбивки. 117×40×24 см.

Инв. № МИКНС 4856/35 осн.

Обнаружено в окрестностях с. Озерное на р. Теньга. Найдено на вспаханном поле лежащим лицом вниз. Выполнено на массивном блоке с естественным коническим верхом, символизирующим головной убор. На широкой плоскости узкой полосой намечен овал лица; точечной техникой нанесены другие детали: одним приемом брови и нос, отдельно волнистые усы и рот в виде черты. Глаза раскосые.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 108, табл. III, 24].

8. Древнетюркское лицевое изваяние

Онгудай (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.

Сланец-катаклазит, техника точечной выбивки. 147×40×19 см.

Инв. № МИКНС 4856/39 осн.

Обнаружено в окрестностях с. Онгудай, на правом берегу р. Урсул. Найдено лежащим лицом вверх у кучи мелких камней и обломков плит, собранных с поля. На брусе светло-зеленого цвета выполнены в высоком рельефе детали лица: брови, глаза, нос и усы. Рот изображен глубокой выемкой. Шея намечена двумя боковыми выемками. На груди крупными глубокими точками выбита непонятная фигура.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 108–109, табл. IV, 29].

9. Древнетюркское лицевое изваяние

Курота (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.

Сланец-катаклазит, техника точечной выбивки и шлифовки. $62 \times 31 \times 9$ см.

Инв. № МИКНС 4856/59.

Обнаружено на левом берегу р. Курота, в 2 км от Чуйского тракта, в одном из логов. Найдено лежащим в куче камней, убранных с поля. Выполнено на плите темно-серого цвета. Хорошо смоделирована круглая голова, четко выделены плечи. Лицевая часть сколота или выветрилась, сохранились только слегка выпуклые глаза, брови и часть носа.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 110, табл. V, 38].

10. Изваяние человека с сосудом в руках

Нижняя Талда (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VIII–X вв.
Сланец, техника точечной выбивки и шлифовки, высокий барельеф.
170×42×16 см.
Инв. № МИКНС 4856/49 осн.

Обнаружено у зимника на правом берегу руч. Нижняя Талда. Очевидно, было перенесено с соседнего поля, где имеются следы разрушенных насыпей курганов и оградок. Выполнено на темно-серой плите, которой грубой оббивкой приданы очертания человеческой фигуры. Детали лица рельефные. На лбу поперечной линией показан нижний край головного убора. Руки с проработанными пальцами держат большой сосуд на уровне живота.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 111, табл. VI, 41].

11. Древнетюркское лицевое изваяние

Нижняя Талда (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.

Сланец, техника точечной выбивки. 84×27×14 см.

Инв. № МИКНС 4856/45 осн.

Обнаружено на правом берегу руч. Нижняя Талда. Было перемещено с первоначального места установки, как и предыдущее изваяние (№ 10). Выполнено на плите черного цвета. Кроме четких деталей большого лица, воспроизведенных в высоком рельефе, показаны две круглые бляхи на груди. Нижняя часть сколота.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 112, табл. VI, 44].

12. Древнетюркское лицевое изваяние

Кулада (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.
Песчаник, техника точечной выбивки. 115×56×14 см.
Инв. № МИКНС 4856/42 осн.

Обнаружено в долине р. Каракол. Выполнено на серой плите с естественными антропоморфными очертаниями. Детали лица нанесены точечной техникой: выборкой фона в невысоком рельефе показаны нос, совмещенный с бровями, скулы, глаза и рот. Расколото поперек на две части. Известно также по рисунку художника Г.И. Чорос-Гуркина.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 113, табл. VIII, 53].

13. Древнетюркское лицевое изваяние

Айтэны (Республика Алтай,
Онгудайский р-н). VI–X вв.

Вулканический туф (фельзито-порфир),
техника точечной выбивки и шлифовки.
160×30×20 см.

Инв. № МИКНС 4856/44 осн.

Обнаружено в 12 км от с. Хабаровка вверх по левому берегу р. Малый Ильгумень, в логу Айтэны. Было установлено у восточной стороны оградки (3×3 м) лицом на восток. К северо-восточному углу оградки примыкает точно такая же по форме, но меньшая по размерам конструкция (1,2×1,4 м). Сооружения раскопаны.

Выполнено на темно-сером брусе, расширяющемся кверху. На гладкой поверхности одной из сторон изображена голова человека: полосой обозначен абрис лица, одной линией – глаза, нос и усы, волнистой дугой – брови, овалом – рот. Непропорционально большие уши переданы двумя параллельными дугообразными полосками. Изображение правого уха выполнено на боковой стороне камня.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 115, табл. IX, 60].

14. Древнетюркское лицевое изваяние

Айтэны (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.

Вулканический туф (фельзито-порфир), техника точечной выбивки.

150×32×38 см.

Инв. № МИКНС 4856/43 осн.

Обнаружено в 12 км от с. Хабаровка вверх по левому берегу р. Малый Ильгумень, в логу Айтэны. Лежало на краю поля. На светло-сером брусе изображена голова человека. Границы бруса округлены обработкой только с лицевой стороны. Одной выбитой линией обозначена шея фигуры. Благодаря естественной фактуре камня, учтеннной мастером, передана борода. На лице рельефом обозначены нос и надбровья, неглубокой выбивкой – брови и рот. Дугообразными полосками на боковых сторонах нанесено изображение гривы.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 115, табл. IX, 61].

15. Изваяние древнетюркского воина

Айлагуш (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.

Мелкозернистый песчаник, техника точечной выбивки, барельеф.

125×30×12 см.

Инв. № МИКНС 4856/85 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Айлагуш, в 10 км выше моста.

Лицевой стороне плиты приданы окружные очертания, выделена из монолита голова. Крупные черты лица (нос, совмещенный с бровями, плотно сомкнутые губы, большие глаза) переданы в высоком рельефе. Пояс изображен рельефным валиком между двумя выбитыми линиями.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 116, табл. X, 63; Appelgren-Kivalo, 1931, fig. 316; Евтюхова, 1952, рис. 6, 1].

16. Изваяние древнетюркского воина

Бель (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.
Диабаз или туф, техника точечной выбивки. 56×23×10 см.
Инв. № МИКНС 4856/86 осн.

Обнаружено в местности Бель, в 3–4 км от с. Иня вниз по течению р. Катуни, на ее правом берегу. Найдилось у подножия гор, на краю вспаханного поля. Выполнено на серо-коричневой плите. Одной линией изображены овал лица, плечи, шея. Схематично показаны черты лица, причем глаза и линия носа выбиты вместе, а брови – отдельно. Правая рука согнута в локте и поддерживает снизу сосудик, левая рука лишь намечена. Верхняя часть изваяния частично сколота, а лицевая поверхность слегка залощена.

Сборы В.Д. Кубарева [Кубарев В.Д., Кубарев Г.В., 2009, с. 309, рис. 1, 4].

17. Изваяние древнетюркского воина

Казна (Республика Алтай, Онгудайский р-н). VI–X вв.

Сланец-катализит, техника точечной выбивки и шлифовки. 55×25×12 см.

Инв. № МИНКС 4856/46 осн.

Обнаружено в урочище Казна, на левом берегу р. Малый Яломан, в 1,5 км вверх по течению от одноименного села. Было установлено вторично (в наши дни) у конной тропы. Рядом расположены несколько курганных насыпей и оградок. Из монолита светло-серой плиты объемно выделены голова и плечи. Следы обработки видны на камне со всех сторон. Детали лица – нос, глаза, брови – переданы глубокими прорезными линиями. Нижняя часть лица и грудь сбиты частыми сколами.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 116, табл. X, 66].

18. Изваяние древнетюркского воина

Тургунда (Республика Алтай,
Усть-Коксинский р-н). VI–X вв.

Кремнистый сланец (хлорит-серцицит),
техника точечной выбивки.
147×43×16 см.

Инв. № МИНКС 4856/81 осн.

Находилось в 17 км от с. Тюнгур вниз по левому берегу р. Катуни, у руч. Тургунда. Было установлено у восточной стороны одной из оградок (3×3 м). Обнаружено выкопанным из земли и поваленным.

Выполнено на обработанной плите. Верхняя часть отбита в древности по плечи и найдена здесь же, рядом с изваянием. Тщательно смоделированная голова эллипсовидной формы, очевидно, оканчивалась вверху небольшим выступом – головным убором, который также сколот. Детали широкого монголоидного лица переданы в низком рельефе и едва различимы. Правая рука согнута в локте под острым углом и держит на уровне груди сосуд с округлым туловом и широким горлом. Левая рука опущена и сжимает рукоять сабли или кинжала. Клинковое оружие заткнуто за пояс, переданный узкой рельефной полосой. На руках слабо проработаны согнутые пальцы.

Сборы В.И. Молодина [Кубарев В.Д., 1984, с. 121, табл. XII, 84].

19. Древнетюркское лицевое изваяние

Кызыл-Мааны (Республика Алтай, Улаганский р-н). VI–X вв.

Гранодиорит, техника точечной выбивки. 110×20×15 см.

Инв. № МИКНС 4856/47 осн.

Обнаружено в местности Кызыл-Мааны – на правом берегу р. Башкаус и на восточной окраине с. Улаган. Стояло у оградки (3×3 м) лицом на юго-восток. В том же направлении от изваяния отходил ряд протяженностью 100 м из 16 камней-балболов.

На серо-зеленом брусе вытесана голова с выступом на макушке, по-видимому, изображающим головной убор. Черты лица переданы рельефом за счет углубления фона вокруг них; усы опущены книзу. Голова была сколота в древности, лежала рядом.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 125–126, табл. XV, 97; Appelgren-Kivalo, 1931, S. 70, fig. 317; Евтиюхова, 1952, рис. 6, 2].

20. Древнетюркское лицевое изваяние

Узун-Язы (Республика Алтай, Улаганский р-н). VI–X вв.

Сланец, техника точечной вышивки. 102×23×2 см.

Инв. № МИКНС 4856/48 осн.

Обнаружено в местности Узун-Язы – на левом берегу р. Башкаус, напротив с. Чибилия. Найдено лежащим в дерне лицом вверх, головой на юго-восток у небольшой оградки (2×2 м). Последняя входит в комплекс из трех оградок, выстроенных в ряд по линии север – юг. Оградка с изваянием крайняя с севера.

На тонкой плите зеленого цвета нанесены детали лица, заключенные в овал. Волосы заплетены в косу (?).

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 127–128, табл. XVII, 102].

21. Изваяние древнетюркского воина

Актру (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

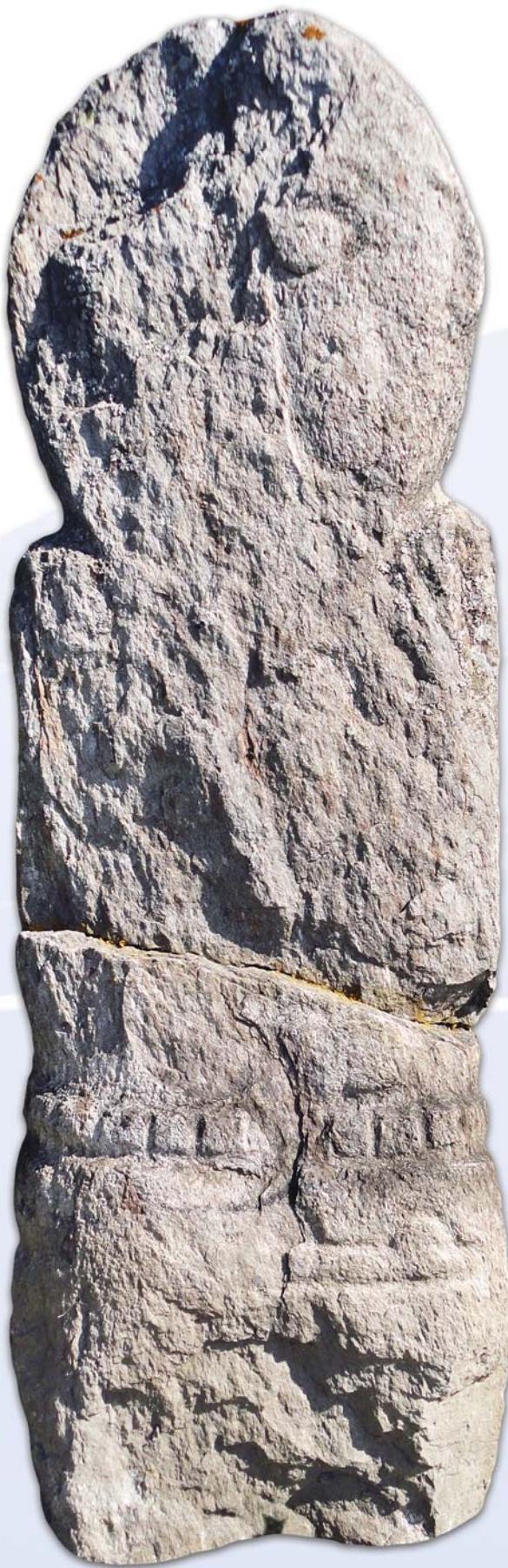
Гранодиорит, техника точечной выбивки, барельеф. 150×45×20 см.

Инв. № МИКНС 4856/53 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Актру, левого притока Чуи. Стояло у юго-восточной стороны оградки (4,5×4,5 м), входящей в комплекс из двух оградок и еще одного изваяния (№ 22 в данном каталоге), окруженных валом и рвом. Внешние размеры сооружения составляют 22×8 м. На юг – юго-восток отходит ряд протяженностью 50 м из девяти камней-балбалаов.

Тщательной обработкой плите приданы очертания человеческой фигуры. Выделена голова, намечены плечи. На голове и в области пояса – древние патинизированные сколы. Невысоким рельефом переданы детали лица: миндалевидные глаза, нос и пышные усы. Брови показаны двумя бороздками, рот – продолговатой выемкой. Глубокой и широкой выемкой обозначены шея и вырез одежды. Плечи округлые, покатые. Правая рука согнута в локте и держит небольшой сосуд на уровне груди. Левая рука сколота, но, очевидно, ее кисть лежала на поясе, который набран выпуклыми квадратными бляхами. Пояс охватывает фигуру с трех сторон, слева к нему подвешена сабля в ножнах. Рукотянь короткая, с округлым навершием и прямым перекрестием. На ножнах изображены округлые скобы для подвешивания. Нижний конец ножен заканчивается на левом боку фигуры. На правом боку изображена рельефная сумочка полукруглой формы.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 130, табл. XIX, 114].

22. Изваяние древнетюркского воина

Актру (Республика Алтай,

Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Кварцитовидный сланец,

техника точечной выбивки.

165×41×19 см.

Инв. № МИКНС 4856/41 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Актру, левого притока Чуи. Стояло у юго-юго-восточной стороны оградки (4,5×4,5 м), входящей в комплекс из двух оградок и еще одного изваяния (№ 21 в данном каталоге), окруженных валом и рвом. На юг – юго-восток от оградки с изваянием отходит ряд протяженностью 47 м из восьми камней-балболов.

Выполнено на светло-зеленой плите. Разбито пополам чуть выше пояса. Сильно пострадала верхняя часть фигуры, на которой сохранились только абрис головы с выемкой для обозначения шеи, левый глаз и часть носа. На нижней части различим пояс из 11 квадратных блях, фрагменты левой руки, ножен и округлой сумочки на правом боку.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 130–131, табл. XIX, 115].

23. Древнетюркское лицевое изваяние

Актру (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Известняк, техника точечной выбивки. 100×36×15 см.
Инв. № МИКНС 4856/36 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Актру, левого притока Чуи. Найдено лежащим лицом вниз у восточной стороны оградки (4×4 м), входящей в комплекс из четырех оградок, выстроенных в ряд по линии север – юг. Выполнено на узкой плите бело-желтого цвета. Изображено только лицо в невысоком рельефе. На шее полосой невыбранного фона, очевидно, обозначена гладкая гравина.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 131, табл. XIX, 119].

24. Древнетюркское лицевое изваяние

Курайская степь (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Сланец-катаклазит, техника точечной выбивки. 130×36×15 см.
Инв. № МИКНС 4856/40 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Чуи, в Курайской степи. Было установлено у восточной стороны каменной оградки (4×4 м). Черты лица, крупные и грубые, выбиты в высоком рельефе на одной из граней каменной плиты. Они воспроизведены путем выборки фона вокруг, и только рот выполнен в виде глубокой выемки. Обращают на себя внимание большие волнистые усы.

Сборы В.Д. Кубарева [Кубарев В.Д., Кочеев, 1988, с. 211, табл. VII, 16].

25. Изваяние древнетюркского воина

Соокту-Кообы (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Биотит-кремнистый сланец, техника точечной выбивки. 110×31×22 см.

Инв. № МИКНС 4856/50 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Ак-Кель, правого притока р. Чаганки. Лежало в колее тракторной дороги в 12–14 км от с. Бельтыр. Местность имеет два названия: Соокту-Кообы и Соок-Тыт.

В верхней части темно-серой плиты контурной полосой показано широкое монголоидное лицо. Такими же неглубокими сливающимися точками намечены брови, глаза, усы и рот. Невысоким рельефом (с учетом фактуры камня) передан только нос. На груди рядами точек обозначены вырез одежды (или борода), плечи, правая рука. Округлый естественный выступ использован ваятелем для изображения сосуда, рядом с которым намечены пальцы правой руки.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 139, табл. XXIII, 142].

26. Изваяние древнетюркского воина

Торгон (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Мраморизированный известняк, техника точечной выбивки, барельеф.

117×24×16 см.

Инв. № МИКНС 4856/84 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Чуи, в Чуйской степи, в 2–3 км на юг от с. Ортолык, в урочище Торгон. Было установлено лицом на восток у восточной стороны оградки (4,6×4,6 м).

Выполнено на плите темно-малинового цвета. У изваяния наполовину сколота голова и почти полностью – лицо. Сохранилось только изображение рта и бороды. Правая рука держит на уровне груди сосудик в форме кувшина с поддоном. Левая рука покоятся на поясе, набранном из блях квадратной формы. К поясу подвешены кинжал и длинное клинковое оружие в ножнах, сумочка на правом боку. Кинжал и меч крепятся к поясу при помощи двух портупейных ремней. На груди воспроизведен вырез одежды и треугольные отвороты-лацканы кафтаны, на руках – манжеты. Детали костюма и вооружения изображены на лицевой и боковых сторонах изваяния.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 140, табл. XXIII, 143].

27. Голова изваяния согдийского (?) воина

Кеме-Кечу (Республика Алтай,
Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Хлорит-мусковитовый сланец,
техника точечной выбивки, барельеф.
169×36×11 см (изваяние); 33×23×7 см (голова).
Инв. № МИКНС 4856/87 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы в местности Кеме-Кечу. Лежало головой на запад у небольшой оградки (2×2 м). Плиты ограждения были выявлены лишь в ходе небольших раскопок вокруг изваяния. Они лежали плашмя. Здесь же в слое дерна найдена и голова скульптуры, сбитая в древности. В 10 м на восток от изваяния стоит камень-балбал. Труднодоступность места нахождения не позволяла вывезти изваяние целиком, поэтому было принято решение доставить в музей ИАЭТ СО РАН только голову.

Точечной техникой плита обработана со всех сторон, ей приданы очертания человеческой фигуры. Голова сколота в древности чуть выше линии шеи. На ней воспроизведен необычный для древних тюрок головной убор наподобие чалмы. Черты лица скорее европеоидные, чем монголоидные и переданы с большим мастерством. На шее рельефным валиком показан воротник одежды, под которым изображена окантовка полы кафтаны. Реалистично округлены плечи фигуры. Правая рука, держащая миниатюрный сосудик (чашу), показана согнутой в локте, левая рука расположена параллельно правой, под ней. На этой руке желобком намечен манжет рукава одежды, проработаны пальцы. Пояс сохранился фрагментарно, на нем особенно четко видны пять квадратных блях с прорезью. На правом боку изображена полукруглая сумка с подвешенным к ней точильным бруском. Посредине к поясу прикреплен при помощи двух портупейных ремней коленчатый кинжал в ножнах.

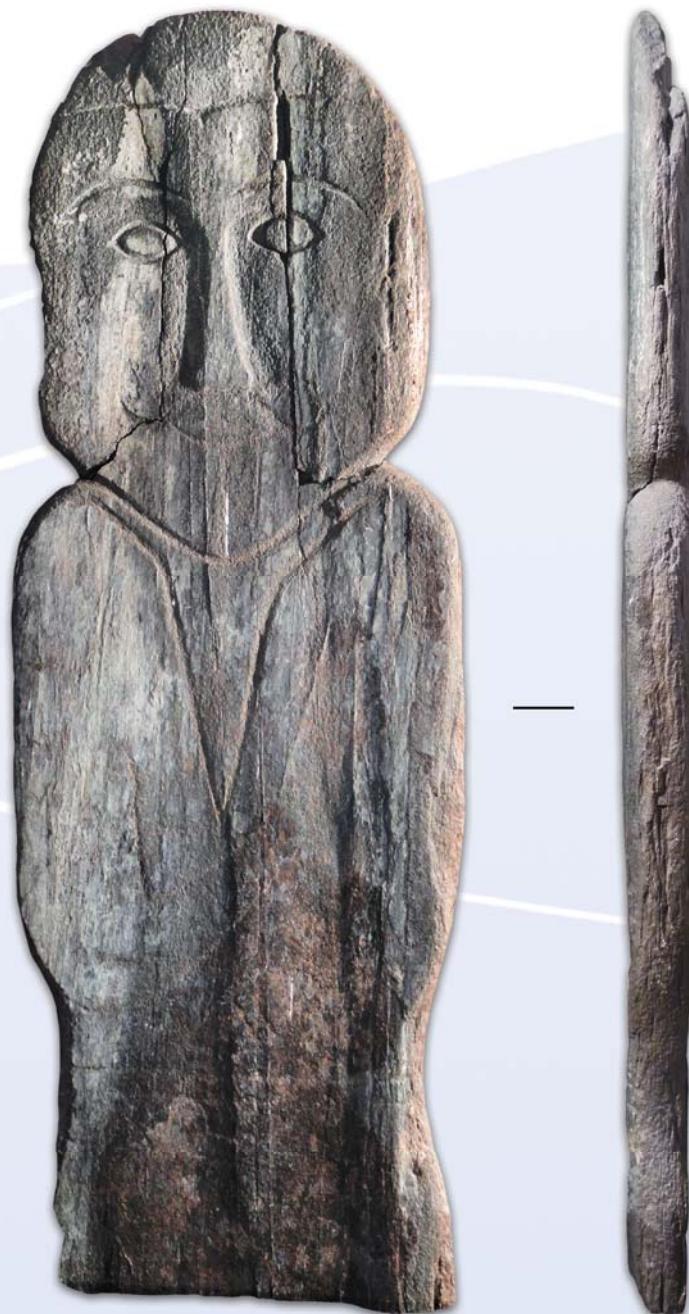
Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 142, табл. XXV, 151].

28. Изваяние древнетюркского воина

Самаха (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Порфиритоид, техника точечной выбивки и шлифовки. 143×44×5 см.

Инв. № МИКНС 4856/88 осн.

Обнаружено в степи Самаха, в 12 км от с. Джазатер вниз по левому берегу р. Ар-гут, напротив Сал-Кечу. Лежало в слое дерна у восточной стенки оградки (4,5×4,5 м). На восток от изваяния отходил ряд редко поставленных камней-балбалов протяженностью 23 м, заканчивающийся тремя небольшими кольцевидными кладками из валунов.

Голова, округленная по периметру, выделена из монолита боковыми выемками, образующими покатые плечи фигуры. Узким желобком обозначена шея и линия подбородка. Лицо широкое, монголоидное. Нос правильной формы, выполнен в не-высоком рельефе, брови показаны двумя отдельными дугами. Слегка раскосые глаза оконтурены неглубоким желобком. Приоткрытый рот обозначен овалом. Точечной техникой выполнены усы, концы которых загнуты вверх. На левой стороне сохранилось изображение уха; другое ухо, вероятно, было сколото вместе с правой частью головы. Вверху одной волнистой линией намечен край головного убора или прически. На груди показан глубокий вырез одежды. Правая рука согнута в локте и держит на уровне груди небольшой сосудик. Левая опущена вниз, на пояс. На руках показаны манжеты узких, плотно облегающих рукавов. Пояс передан двумя линиями только на лицевой стороне изваяния. На нем можно различить прямоугольные бляхи. На правом боку воспроизведена полукруглая сумочка. Спереди к поясу подвешено длинное клинковое оружие.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 148–140, табл. XXVIII, 176].

29. Древнетюркское лицевое изваяние

Макажан (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Сланец-катализит, техника точечной выбивки. 110×30×6 см.

Инв. № МИКСН 4856/51 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Коксу, в юго-западной части степи Макажан. Было установлено у северо-восточной стороны оградки (3,8×3,5 м), окруженной кольцевой выкладкой (диаметром 15–20 м) из валунов. Выполнено на темно-зеленой плите. Голова отбита от туловища в древности, особенно пострадала правая часть лица. Очертания головы и выемка, обозначающая шею и плечи, подработаны многочисленными точечными ударами. Глаза, рот и нос выполнены одним редким приемом – глубокими желобками.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 150–151, табл. XXIX, 180].

30. Изваяние человека с сосудом в руках

Макажан (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Песчаник, техника точечной вышивки. 78×22×5 см.
Инв. № МИКНС 4856/56 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Коксу, в юго-западной части степи Макажан. Лежало у одной из разрушенных оградок. Изваяние разломано: отсутствуют часть головы и правый бок фигуры. На шее рельефным валиком изображена гривна. На груди показаны треугольные отвороты-лацканы кафтаны, имеющего широкие рукава. Из последних выглядывают кончики пальцев, которые переданы подквадратными пятнами невыбранного фона. В руках – миниатюрный сосуд. С рукавов или пояса свисают две пары плавно загибающихся внутрь ремешков. Приоткрытый рот передан глубоким желобком.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 151, табл. XXIX, 181].

31. Изваяние древнетюркского воина

Мухор-Тархата (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Мусковитовый гнейс, техника точечной выбивки, барельеф. 115×35×27 см.

Инв. № МИКНС 4856/52 осн.

Обнаружено в 2–3 км на юго-восток от с. Мухор-Тархата, у моста через речку, берущую начало в одном из безымянных озер. Найдено лежащим лицом вниз и почти полностью покрытым землей у юго-восточной стенки каменной оградки (3,1×3,5 м). На юго-восток от оградки отходит ряд протяженностью 80 м из восьми сохранившихся балболов. При раскопках внутри оградки обнаружены кости животных. В центре конструкции и по углам снаружи зафиксированы ямки (диаметром 50 см, глубиной 40–50 см) от лиственничных столбов.

Выполнено на брусе белого цвета. Голова слегка выделена из монолита, намечена шея. Верх головы, возможно, воспроизводит головной убор конической формы. Детали лица переданы высоким рельефом: прямой, слегка расширяющийся книзу нос, выпуклые глаза, брови, усы, борода острым клинышком. Рот обозначен выемкой, уши выбиты полукружьями. Ниже шеи валиком показан отворот одежды или воротник. Правая рука, согнутая в локте на уровне груди, двумя пальцами держит чашу. Левая рука – на рукояти кинжала или сабли в ножнах. Чуть ниже контурным желобком обозначен еще один кинжал или пояс.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 159–160, табл. XXXV, 205].

32. Древнетюркское лицевое изваяние

Чаганбургазы (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Карбонатно-кремнистая порода с вклюением кварцита,

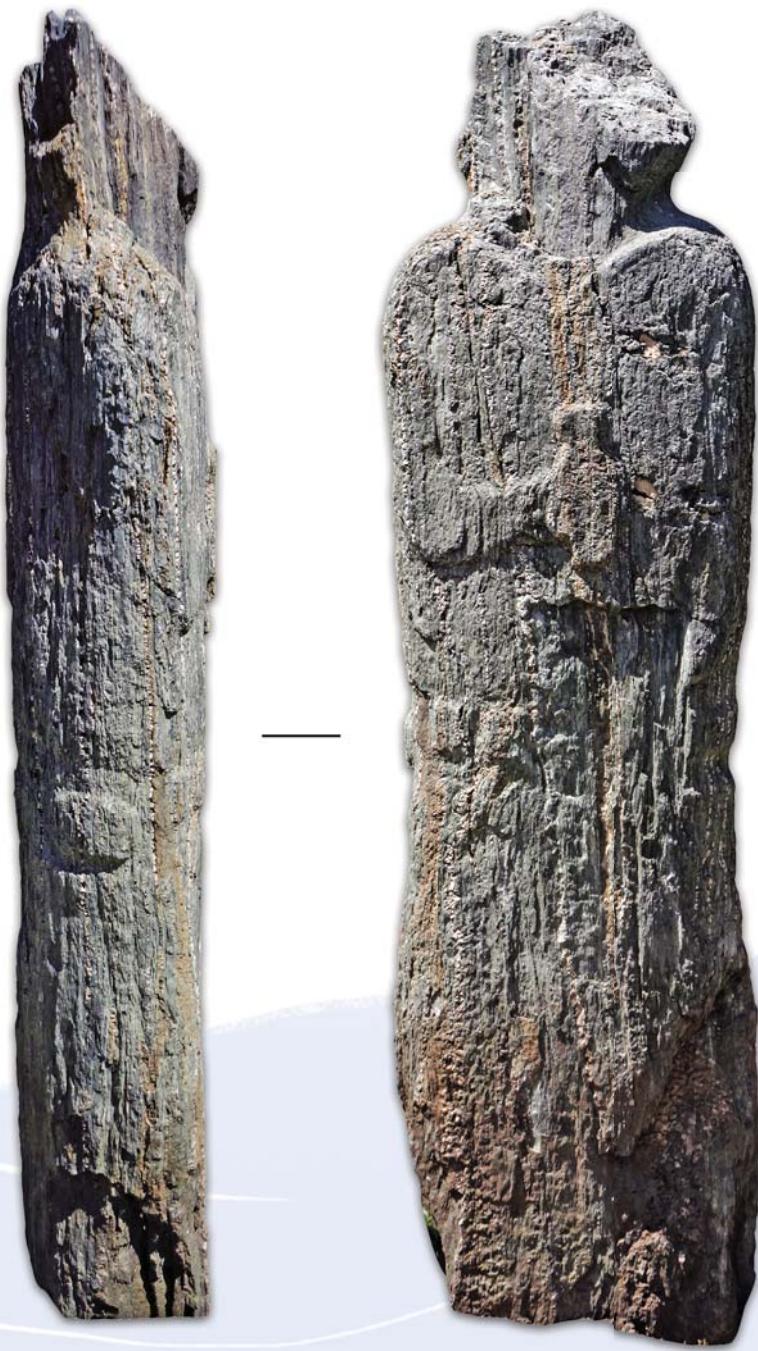
техника точечной выбивки и шлифовки. 45×35×10 см.

Инв. № МИКНС 4856/58 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Чаганбургазы, левого притока Чуи. Было установлено у оградки (4,0×3,6 м), лицом на восток. Оградка является частью древнетюркского поминального комплекса, состоящего из нескольких объектов.

Выполнено на плите зеленого цвета. Непропорционально большая голова выделена из монолита глубоким желобком, ее верхняя часть сколота наискось сильным ударом. На широком монголоидном лице слабо различимы глаза и нос.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 160, табл. XXXV, 206].

33. Изваяние древнетюркского воина

Чаганбургазы (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Карбонатно-кремнистая порода с включением кварцита,
техника точечной выбивки и шлифовки, барельеф. 80×35×13 см.
Инв. № МИКНС 4856/55 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Чаганбургазы, левого притока Чуи. Стояло у восточной стороны оградки (3,4×3,3 м), лицом на восток. Оградка является частью древнетюркского поминального комплекса, включающего несколько объектов (в т.ч. оградку с изваянием № 32).

Небольшая голова объемно выделена из монолита плиты. Правая рука, согнутая в локте, держит небольшой кувшинчик. Левая – над поясом, на рукояти сабли. На рельефном, с квадратными бляхами поясе справа воспроизведена сумочка полукруглой формы. Общая сохранность плохая: верхняя часть головы с лицом и нижняя часть левой стороны изваяния сколоты.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 160, табл. XXXV, 207].

34. Изваяние древнетюркского воина

Чаганбургазы (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Карбонатно-кремнистая порода с включением кварцита,
техника точечной выбивки и шлифовки. 55×30×10 см.
Инв. № МИКНС 4856/60 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Чаганбургазы, левого притока Чуи. Стояло у оградки (3,8×3,7 м), лицом на восток. В том же направлении от изваяния отходит ряд из 50 камней протяженностью 300 м.

Голова выделена из монолита неглубокой полосой, показаны шея и плечи. Невысоким рельефом намечены детали лица, правая рука и сосудик. Рот, глаза и брови воспроизведены неглубокими выемками.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 160, табл. XXXV, 208].

35. Изваяние древнетюркского воина

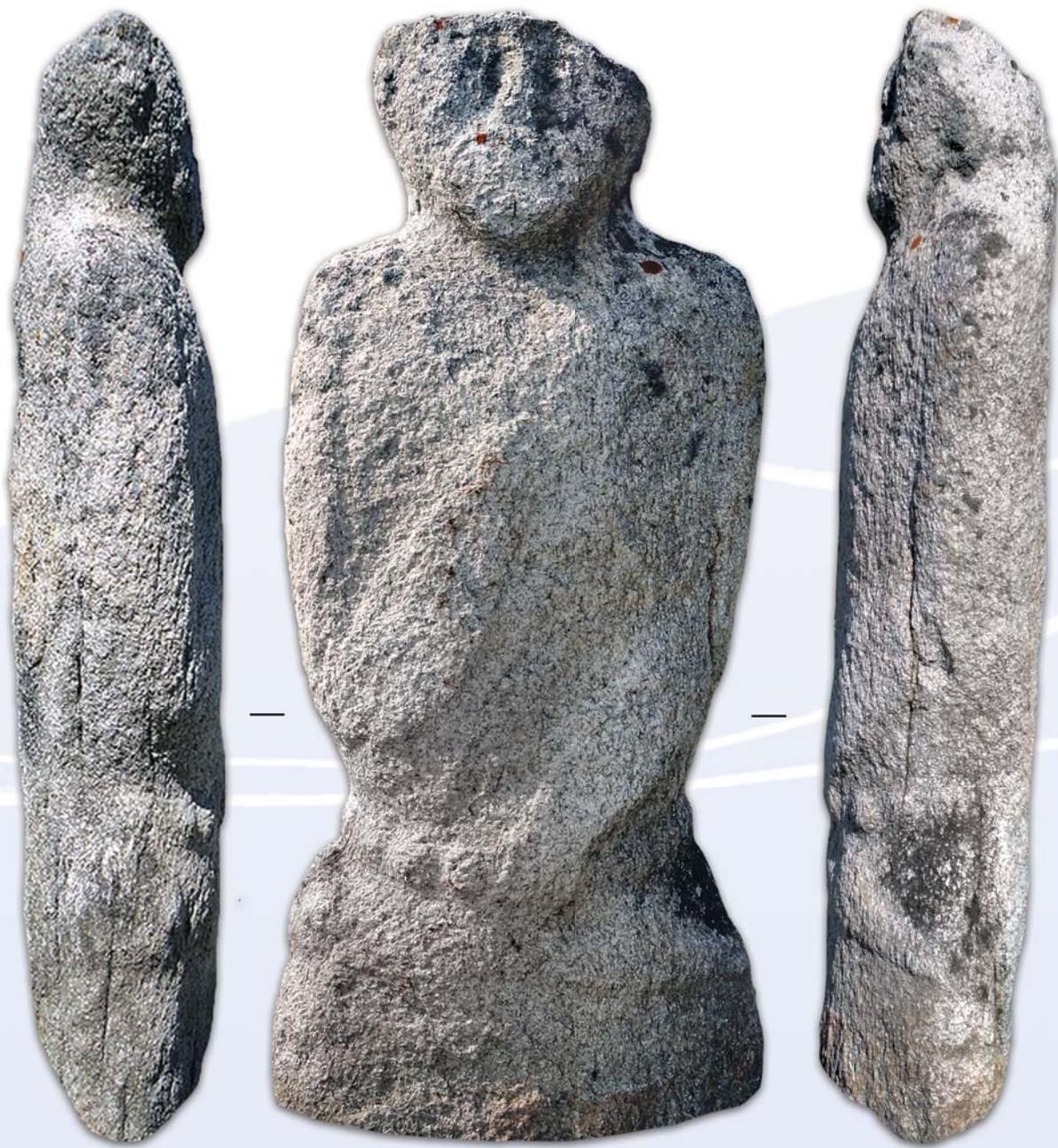
Чаганбургазы (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Ангезит-базальт или дайк, техника точечной выбивки и шлифовки.
98×32×12 см.

Инв. № МИКНС 4856/83 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Чаганбургазы, в урочище Кутурган (близ руч. Карасу – левого притока р. Чаганбургазы). Лежало лицевой стороной вниз, почти полностью задернованное у юго-западной стены оградки (1,7×1,4 м). На юго-запад от этого сооружения отходит ряд из семи балболов. В 3,5 м к востоку от оградки с изваянием зафиксировано кольцо диаметром 1,2 м из уплощенных валунов, уложенных прямо на древнюю поверхность. Изваяние входит в небольшой поминальный комплекс с еще тремя скульптурами, также установленными у оградок.

Выполнено на плоской плите. Голова четко выделена из общего монолита уступами плеч и глубоким желобком, показывающим к тому же и бороду. Выбитой линией воспроизведены пояс и правая рука, согнутая в локте на уровне груди и поддерживающая сосуд. На лице хорошо проработаны большие усы, щеки и рот. Рельефно выделены нос и брови. Еле заметным контуром показаны глаза. Особое внимание привлекает характерный и нечасто встречаемый островерхий головной убор, гребень которого наклонен вперед.

Сборы Н.В. Полосьмак [Полосьмак, Богданов, Кубарев Г.В., 2010, с. 290, рис. 1, 1].

36. Изваяние древнетюркского воина

Терс-Акан (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Крупнозернистый мусковитовый гнейс, техника точечной выбивки и шлифовки, барельеф. 127×46×17 см.

Инв. № МИКНС 4856/66 осн.

Обнаружено в 26 км от пос. Ташанта по Чуйскому тракту, в урочище Терс-Акан. Лежало глубоко в земле, незадернованной оставалась только часть спины. Первоначально стояло у оградки (4×4 м), лицом на восток. В том же направлении от оградки отходит ряд протяженностью 50 м из четырех сохранившихся балболов.

Выполнено на плите светло-желтого цвета. Представляет собой почти полноценную объемную скульптуру. Верхняя часть головы отколота, однако сохранились отдельные рельефные детали лица: нос, усы, щеки. Правая рука с проработанными пальцами согнута в локте на уровне груди. Пальцы, очевидно, держат сосуд, изображение которого полностью выветрилось. Кисть левой руки лежит на поясе с прямоугольными рельефными бляшками. Ниже пояса угадывается рельефное изображение клинкового оружия в ножнах, на правом боку – округлая сумочка.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 161, табл. XXXV, 211].

37. Изваяние древнетюркского воина

Кара-Дюргун (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Вулканический туф, техника точечной выбивки и шлифовки,
низкий барельеф. 120×40×12 см.

Инв. № МИКНС 4856/64 осн.

Обнаружено в Кокоринской степи, в 7 км на юго-восток от с. Кокоря, в ритуальном комплексе Кара-Дюргун. Было установлено у оградки (4,5×4,3 м), лицом на восток.

Выполнено на плите серо-зеленого цвета. Голова выделена из монолита боковыми выемками, образующими шею и округлые покатые плечи фигуры. Все воспроизведенные детали изваяния рельефны и переданы преимущественно выборкой фона вокруг них. Черты лица (брови, глаза и нос) хорошо проработаны. Концы усов свисают вниз, рот маленький, овальный. Правая рука, согнутая в локте, держит небольшой сосуд с круглым дном. Левая рука со слабо намеченной кистью опущена на пояс или, возможно, на рукоять сабли, изображение которой почти не сохранилось. На пояссе, полностью охватывающем фигуру, показаны бляхи квадратной формы. На правом боку воспроизведена небольшая сумочка, подвешенная к поясу. К сумочке, в свою очередь, крепится прямоугольный предмет.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 165, табл. XXXVII, 220].

38. Изваяние древнетюркского воина

Дъер-Тебе (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Кварцит, техника точечной выбивки и шлифовки, барельеф.
142×50×12 см.
Инв. № МИКНС 4856/57 осн.

Обнаружено в Сайлюгемской степи, в 12–13 км к северу от с. Кокоря, на холме Дъер-Тебе. Было установлено у оградки (4×4 м), лицом на восток. В том же направлении от изваяния отходит ряд протяженностью 172 м из 11 сохранившихся балбалов. У местных жителей изваяние носило название *Акташ*.

Вытесано из плоского камня. Представляет собой почти полноценную объемную скульптуру: голова, плечи, руки и пояс хорошо смоделированы. Общее состояние изваяния неудовлетворительное: каменная плита сильно выветрилась, и многие детали изображения едва угадываются. Брови и прямой нос переданы одним рельефом. Большие овальные глаза, усы и рог слабо намечены. Правая рука, согнутая в локте на уровне груди, держит сосуд. Кисть левой руки лежит на середине пояса и на рукояти клинового оружия. У ножен палаша воспроизведены две полукруглые бляхи для портупейных ремней. Рельефный пояс, на котором изображены прямоугольные бляхи, выбит и на боковых гранях каменной плиты. В центральной части он показан провисшим под тяжестью оружия. На правом боку к поясу подвешена круглая сумочка.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 165–166, табл. XXXVIII, 222; Евтиюхова, 1952, рис. 5, 3; Кубарев В.Д., 1978, с. 86, рис. 1].

39. Фрагмент головы изваяния древнетюркского воина

Согонолу (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Мелкозернистый мусковитый гнейс, техника точечной выбивки и шлифовки, барельеф.

Размеры обломка: 24×23×8 см.

Инв. № МИКНС 4856/95 осн.

Обломок обнаружен на правом берегу р. Бугузун, в урочище Согонолу. Первоначально изваяние было вкопано в 2,2 м к востоку от оградки (2,8×2,6 м). В 5 м на восток от него зафиксирована квадратная выкладка из валунов (1,2×1,1 м). В том же направлении от скульптуры отходил ряд из балбалов протяженностью 25–30 м: сохранились два поваленных камня.

Изваяние было разбито в древности. На крупном обломке хорошо видны детали лица: нижняя часть носа, полные губы, оригинально выстриженные усы и борода. Исполнение отличается большим мастерством и реализмом.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 166–167, табл. XXXV, 226].

40. Изваяние древнетюркского воина

Малталу (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Сланец-катаклазит, техника точечной выбивки и шлифовки, барельеф.

95×51×7 см (верхняя часть); 35×51×5 см (нижняя часть).

Первоначальная высота изваяния составляла ок. 160 см.

Инв. № МИКНС 4856/80 осн.

Обнаружено в урочище Малталу на правом берегу р. Бугузун. Лежало в слое дерна у восточной стороны оградки (4,5×4,5 м). Оградка окружена подквадратными в плане валом и рвом, внешние размеры которых 16×17 м. Ширина вала составляла ок. 2 м, высота – всего 15–20 см над дневной поверхностью. Ров шириной не более 1,5 м, глубиной ок. 30 см. На восток от оградки на расстояние ок. 300 м тянется ряд балболов, насчитывающий 50–55 камней. Перед изваянием зачищены обломки керамического сосуда, а по углам плитового ограждения и в центре оградки найдены ямы со следами сгоревших столбов. Внутри сооружения, ближе к его северной стенке, зачищен жертвенник в ямке – каменный ящичек с остатками деревянного блюда и крестцовыми позвонками барана.

Одно из наиболее реалистичных изваяний Алтая выполнено на тонкой темно-серой сланцевой плите. Оно было разбито в древности – сохранилось только два крупных обломка. Обломок верхней части представляет собой голову и плечи. Голова очень тщательно выделена из монолита техникой точечной выбивки с подшлифовкой. С большим мастерством передано типичное монголоидное лицо: нос и брови – рельефом, рот – в виде овальной выемки, над ним – волнистые усы. Глаза миндалевидной формы выполнены с особой тщательностью. Рельефными валиками показаны уши. На голове – округлая шапочка со срезанным верхом. На обломке средней части сохранился пояс, набранный квадратными бляхами с прорезью. На нем справа изображена округлая сумочка, слева – клиновое оружие с длинной рукоятью и прямым перекрестием, в ножнах, на которых видна скоба для подвешивания. Рукоять сабли сжимает левая рука, на ней показан край облегающего рукава, а также реалистично проработаны пальцы. При этом указательный палец манерно выпрямлен.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 167–168, табл. XLI, 229].

41. Изваяние древнетюркского воина

Туру-Алты (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Крупнозернистый песчаник, техника точечной выбивки и шлифовки,
барельеф. 120×35×15 см.
Инв. № МИКНС 4856/54 осн.

Обнаружено в урочище Туру-Алты на правом берегу р. Барбургазы. Лежало у северо-восточной стороны одной из оградок (4,5×4,5 м), выстроенных по линии север – юг. В ходе раскопок внутри оградки зафиксированы две ямы. В одной из них были найдены остатки дерева и обломок зернотерки.

Тщательной обработкой плиты темно-зеленого цвета приданы очертания человеческой фигуры. Изваяние разбито в древности. Верхняя часть лица сколота на уровне глаз. Нос прямой, книзу расширяется; небольшой овальный рот обрамляют подчеркнуто пышные усы и бородка клинышком. Правая рука с браслетом на запястье держит на уровне груди небольшой сосуд в виде кувшинчика на поддоне. Пояс с пятью квадратными бляхами изображен рельефной полосой. На нем справа висит круглая сумочка, а посередине – коленчатый кинжал в ножнах с двумя скобами для подвешивания. Выпрямленная левая рука опущена на длинную рукоять клинового оружия с прямым перекрестием. Клинок, вложенный в ножны, загибается на левый бок фигуры.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 170, табл. XLII, 233].

42. Древнетюркское лицевое изваяние

Чадыр (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Аркозовый песчаник, техника точечной выбивки и шлифовки.
130×24×9 см.
Инв. № МИКНС 4856/61 осн.

Обнаружено в логе Чадыр, в междуречье рек Барбургазы и Юстыд. Первоначально было вкопано внутри маленькой оградки (0,85×0,65 м), лицевой стороной на восток. Оградка являлась частью небольшого поминального комплекса.

Голова выделена из темно-серого монолита камня выбитой полосой и выемками, изображающими шею и плечи фигуры. В своеобразной лаконичной манере выполнены детали лица: опущенные вниз изогнутые брови, переходящие в нос; глаза – в виде ямок-кружков; борода овальной формы – одной замкнутой линией, верхняя часть которой является стилизованным изображением усов; рот – в виде короткой прямой черты.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 174–175, табл. XLVI, 241].

43. Древнетюркское лицевое изваяние

Чадыр (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Мелкозернистый аркозовый песчаник, техника точечной выбивки и шлифовки. 96×23×10 см.

Инв. № МИКНС 4856/89 осн.

Обнаружено в логе Чадыр, в междуречье рек Барбургазы и Юстыд, в том же поминальном комплексе, что и изваяние № 41. Первоначально было вкопано внутри небольшой оградки (0,9×0,7 м), в 1,7 м на север от описанной выше скульптуры. Почти не отличается от нее материалом, техникой и манерой исполнения. Голова выделена из монолита тем же приемом – узкой выбитой полосой, изображающей шею. Глаза, брови и рот переданы так же, как и у изваяния № 41. Нос, усы и борода выполнены несколько иначе, но это говорит, очевидно, об изобретательности древнего ваятеля, не захотевшего копировать предыдущую фигуру и придавшего этим довольно простым приемом индивидуальные черты изваянию.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 175, табл. XLVI, 242].

44. Древнетюркское лицевое изваяние

Юстыг (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.
Карбонатно-кремнистая порода,
техника точечной выбивки
и шлифовки. 89×30×20 см.
Инв. № МИКНС 4856/63 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Юстыг, в 5–6 км от пос. Ташанта. Было установлено у восточной стороны оградки (4,7×4,9 м), в центре которой зафиксирована яма с деревянным столбиком, обложенная вертикальными сланцевыми плитами.

На широкой стороне темно-серой плиты в высоком рельефе изображено лицо человека с овальными выпуклыми глазами. Лицо имеет типично монголоидные черты. Длинный и узкий нос резко расширяется книзу. Рот овальный, открытый, окаймлен небольшими усами, переходящими в клиновидную бородку. Тремя глубокими желобками, расходящимися лучами от бороды, намечены, возможно, отвороты одежды. Плита под изваяние использована вторично. На всех ее четырех сторонах имеются более ранние изображения тамг, фигур козлов и оленей, и даже одна схематическая фигурка человека с луком.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 175–176, табл. XLVII, 243].

45. Изваяние древнетюркского воина

Юстыг (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Слюдистый мелкозернистый песчаник, техника точечной выбивки и шлифовки, барельеф. 88×33×15 см.

Инв. № МИКНС 4856/67 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Юстыг, в 12 км от пос. Ташанта. Лежало головой на север у восточной стенки оградки (2×2 м). Внутри сооружения зафиксированы две ямки, одна из которых содержала остатки деревянного кола. В оградке найдена верхняя половина серебряного сосуда и некоторые железные предметы: стремена, удила, пряжки и др.

Изваяние собрано из нескольких крупных обломков, меньше всего пострадала верхняя часть фигуры. Голова тщательно выделена из монолита темно-серой плиты, показаны шея и плечи. Детали лица рельефные. Особенно тщательно проработаны уши с вдетьми в них серьгами. Правая рука держит круглодонную чашу на уровне груди. На запястье двумя поперечными бороздками обозначен браслет или обшлаг рукава. Левая рука не прослеживается.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 176, табл. XLVIII, 244].

46. Изваяние древнетюркского воина

Юстыг (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Сланец карбонатно-кремнистой породы, техника точечной выбивки и шлифовки, рельеф. 96×25×9 см.

Инв. № МИКНС 4856/90 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Юстыд (более точное место установки неизвестно).

Выполнено на тонкой плите со слегка округленными гранями. Техникой точечной выбивки из монолита выделена голова, слабо обозначены плечи фигуры. Черты лица хорошо различимы благодаря полной выборке фона вокруг них. Они типично монголоидные: большие скулы, прямой нос, совмещенный с бровями и расширяющийся книзу, раскосые миндалевидные глаза, небольшой рот. Особо выделяются тонкие и длинные усы во всю ширину лица. На обеих боковых сторонах невыбранным фоном изображены уши. Под шеей полосой невыбранного фона оригинально показаны отвороты одежды. Правая рука согнута в локте и держит сосуд в виде кувшинчика: с овальным туловом, удлиненным и узким горлом, небольшим поддоном. Левая рука, очевидно, находится на рукояти клинового оружия. На поясе воспроизведены прямоугольные и сердцевидные бляхи; на правом боку изображена сумочка подквадратной формы, на левом – декоративная подвеска (?).

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 177, табл. L, 247].

47. Изваяние древнетюркского воина

Юстыг (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Алевролит, техника точечной выбивки и шлифовки, низкий рельеф.

80×25×14 см.

Инв. № МИКНС 4856/65 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Юстыг, в 16 км от пос. Ташанта. Лежало лицом вниз у восточной стороны оградки (2,6×2,8 м), внутри которой были зафиксированы угли и кости животных.

Широкой выбитой полосой на темно-серой плите намечена шея фигуры. Нос передан в невысоком рельефе, брови выбиты дугообразными полосками, миндалевидные глаза оконтурены глубокой прорезной линией. Таким же приемом исполнены усы, загнутые вверх, рот и уши фигуры. Последние изображены не на боковых гранях плиты, а здесь же, на лицевой поверхности. Схематично показаны руки с намеченными пальцами, поддерживающими на уровне груди кубок (?). Двумя параллельными бороздами обозначен пояс.

Сборы В.Д. Кубарева [1984, с. 178, табл. L, 248].

48. Древнетюркское лицевое изваяние

Кальджин (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

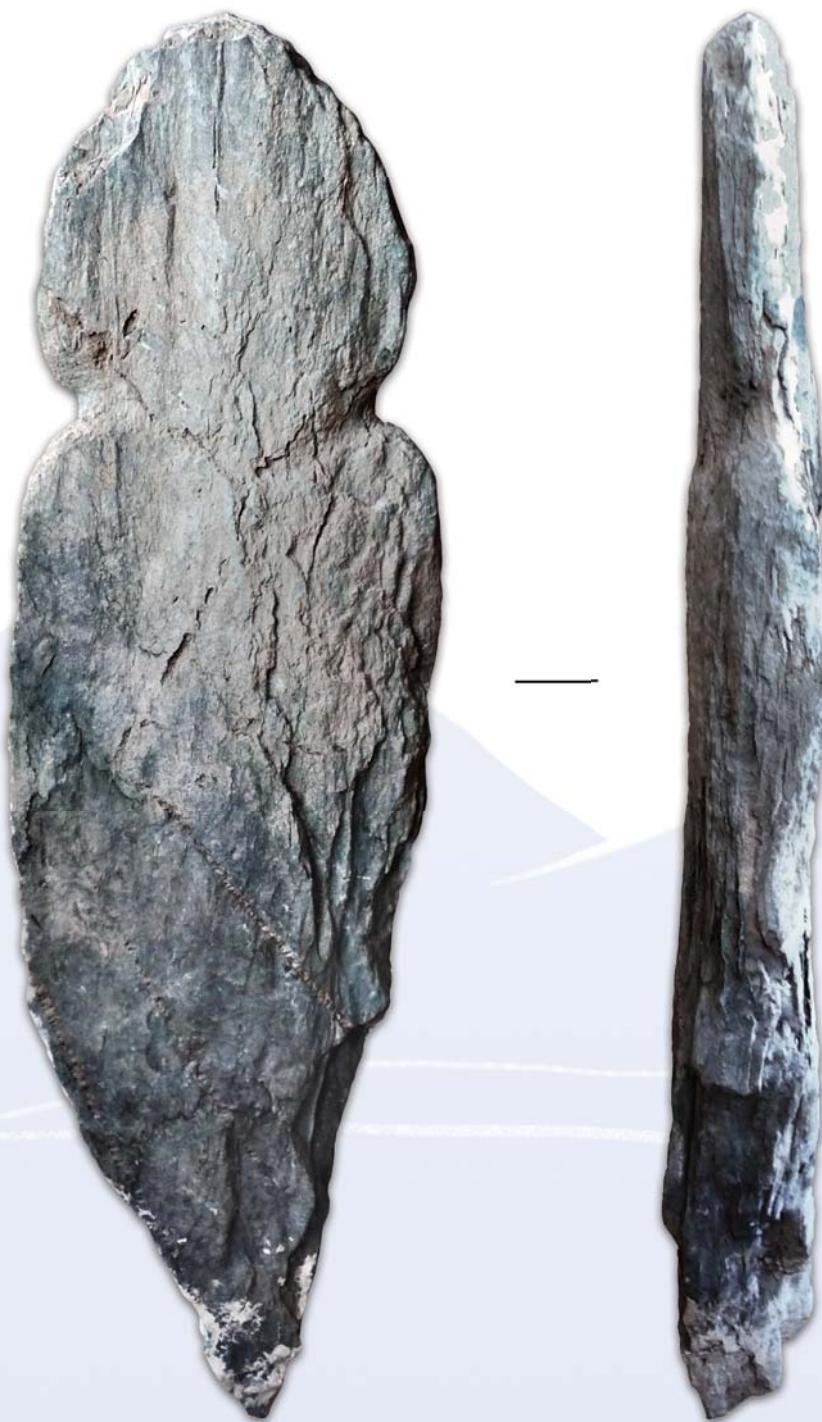
Песчаник, техника точечной выбивки, низкий рельеф. 86×17×7 см.

Инв. № МИКНС 4856/62 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Акалаха, близ впадения в нее р. Кальджин, на плато Укок. Было установлено у юго-западной стенки поминальной оградки (3×2,5 м), углы которой ориентированы по странам света.

На тонкой плите серого цвета техникой точечной выбивки сделаны неглубокие выемки, обозначающие шею и плечи, подработан верх головы, однако овал лица не завершен. Путем выборки фона вокруг низким рельефом изображен нос, переходящий в брови. Глаза не показаны, а только подразумеваются. Надо ртом воспроизведены большие усы.

Сборы Н.В. Полосьмак [Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004, с. 161].

49. Древнетюркское изваяние

Бертек (Республика Алтай, Кош-Агачский р-н). VI–X вв.

Песчаник, техника точечной выбивки. 100×28×7 см.

Инв. № МИКНС 4856/91 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Акалаха, в Бертекской долине на плато Укок. Найдено в поздне-средневековом захоронении: было вторично использовано для сооружения каменного ящика – подчетырехугольной конструкции под земляной насыпью.

На тонкой плите серо-зеленого цвета техникой точечной выбивки из монолита выделена голова: сделаны неглубокие выемки для обозначения шеи и плеч, подработан верх. Нижняя часть изваяния имеет заостренную форму, удобную для вкапывания.

Сборы В.И. Молодина [Молодин, Полосьмак, Новиков и др., 2004, с. 138, 221].

50. Изваяние древнетюркского воина

Алкаак (Республика Тыва, Эрзинский кожуун). VI–X вв.

Гранит-катализит, техника точечной выбивки, барельеф. 50×39×17 см.

Инв. № МИКНС 4856/69 осн.

Обнаружено на левом берегу р. Нарын, в 11,5 км от с. Эрзин, в составе погребально-поминального комплекса Алкаак. Находилось у восточной стороны оградки (2×2 м). В ходе раскопок в ямке, расположенной в центре оградки, зафиксированы остатки древесного ствола.

Выполнено на светло-коричневой крупнозернистой плите. Верхняя часть изваяния, включая плечи, сколота в древности. Из монолита смоделированы торс, талия, руки. Правая рука согнута в локте и на уровне груди держит сосуд в форме кувшина: с овальным туловом, удлиненным и узким горлом, небольшим поддоном. Правая рука опущена вниз – на предполагаемый пояс.

Сборы Ю.С. Худякова [Худяков, Ким, 1999, с. 25–26, рис. 10; 11; 12, 1].

51. Изваяние древнетюркского воина

Харар-Тей (Республика Тыва, Овюрский кожуун). VI–X вв.

Песчаник, техника точечной выбивки и шлифовки, низкий рельеф.

89×34×19 см.

Инв. № МИКНС 4856/68 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Тайлыг-Хем, к югу от холма Харар-Тей и в 14 км от с. Чая-Суур. Стояло лицевой частью на восток и в наклонном положении. Как таковой поминальной оградки не зафиксировано, за изваянием сохранился лишь ряд из небольших вертикально установленных плиток. В предполагаемом центре поминального сооружения зачищена ямка для деревянного столба и обнаружены кости овцы. На восток от изваяния отходил ряд протяженностью 157 м из 28 сохранившихся балбалов.

Выполнено на плите, имеющей узкое основание и расширяющейся кверху. Изображения нанесены на все четыре грани камня. На лицевой стороне, в ее верхней части, неглубоким рельефом воспроизведено лицо: узкие раскосые глаза, тонкий нос, переходящий в брови, рот и большие усы. Снизу лицо окаймляет широкая выбитая полоса; уши показаны полукружьями. Контурной выбитой линией на лицевой и боковых гранях изваяния показаны плечи и руки. Последние согнуты в локте и держат небольшой сосуд. Отдельной линией воспроизведен пояс, а под ним – тамга. На правом боку изваяния выбиты по меньшей мере четыре различные тамги. На задней стороне изображены, возможно, две тамги, а на левом боку – еще одна. Обращает на себя внимание тот факт, что одна и та же тамга присутствует на всех четырех гранях изваяния.

Сборы Ю.С. Худякова [Худяков, Плотников, Данченок, 1988, с. 60–61, рис. 5, 2; 16; 17].

**52. Древнетюркское лицевое изваяние VI–X вв. н.э.,
выполненное на оленном камне VIII–V вв. до н.э.**

Халыр (Республика Тыва, Овюрский кожуун).

Песчаник, техника точечной выбивки и шлифовки, низкий рельеф.

68×25×30 см.

Инв. № МИКНС 4856/31 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Тайлыг-Хем, в 10 км от с. Чая-Суур, в числе объектов памятника Халыр. Было установлено у восточной стенки оградки (4×4 м) и ориентировано лицом на восток. В центре оградки зафиксирована ямка с остатками деревянного столба.

Древние тюрки вторично использовали т.н. оленный камень, выбив на его задней плоскости антропоморфную личину. Она выполнена широкой и глубокой полосой и своим обрисом напоминает сердце. Хорошо видны прямой нос и брови, миндалевидные, ассиметрично расположенные глаза, усы и острая бородка. Для обозначения рта использована линия пояса оленного камня, идущая по всем четырем его граням.

Камень светло-коричневого цвета имеет практически квадратное сечение. Тыльная сторона изваяния является лицевой для оленного камня, и в ее верхней части выбито три параллельные линии. На боковых гранях оленного камня изображено по кругу – серьги. На левой боковой грани оленного камня имеется незаконченное изображение лука в горите (?), подвешенного к поясу. На верхней, торцевой, стороне плиты выбито изображение козла. Эта поверхность скошена в сторону тыльной стороны оленного камня, т.е. к плоскости, на которую в древнетюркское время была нанесена личина.

Сборы Ю.С. Худякова [Худяков, Плотников, Данченок, 1988, с. 56, рис. 3, 2; 5, 3; 6].

**53. Древнетюркское лицевое изваяние VI–X вв. н.э.,
выполненное на оленном камне VIII–V вв. до н.э.**

Халыр (Республика Тыва, Овюрский кожуун).

Песчаник, техника точечной выбивки и шлифовки, низкий рельеф.

76×24×18 см.

Инв. № МИКНС 4856/92 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Тайлыг-Хем, в 10 км от с. Чая-Суур, в числе объектов памятника Халыр. Было установлено у восточной стены оградки и ориентировано лицом на восток. В том же направлении от оградки отходил ряд протяженностью ок. 80 м из четырех сохранившихся балболов.

Древние тюрки вторично использовали т.н. оленный камень, изобразив на его задней плоскости антропоморфную личину. Широкая выбитая полоса отделяет голову от основного массива камня. В невысоком рельефе изображен нос, тогда как миндалевидные глаза и рот выполнены неглубокой контурной выбивкой. Обращают на себя внимание длинные усы с загнутыми вверх концами. В нижней части этой же поверхности имеются незаконченные выбивки.

Тыльная сторона изваяния является лицевой для оленного камня, и в ее верхней части выбито пять параллельных линий. Чуть ниже воспроизведено ожерелье из крупных выбитых лунок. Это ожерелье изображено на всех четырех гранях. На лицевой поверхности оленного камня чуть ниже ожерелья показан кинжал в наклонном положении. Еще ниже имеются слабые, плохо различимые выбивки. На боковых гранях оленного камня изображены кольчатые серьги с петелькой или коническим утолщением внизу; на правом боку ниже ожерелья выбит лук в горите, на левом – чекан на рукояти и трудноопределимые фигуры животных (?). В верхней части оленный камень скосен к тыльной стороне, т.е. к плоскости, на которую в древнетюркское время была нанесена личина.

Сборы Ю.С. Худякова [Худяков, Плотников, Данченок, 1988, с. 56, рис. 3, 3; 5, 4; 6].

54. Изваяние древнетюркского воина

Ак-Тал (Республика Тыва, Улуг-Хемский кожуун). VI–X вв.

Песчаник, техника точечной выбивки и шлифовки, низкий барельеф.

87×33×15 см.

Инв. № МИКНС 4856/93 осн.

Обнаружено на правом берегу р. Шара-Нур, в 200 м от с. Торгальг, в составе поминального комплекса Ак-Тал, включающего семь древнетюркских оградок. Было установлено у восточной стенки оградки (4×4 м) и ориентировано лицом на восток.

Выполнено на серо-желтой плите и отличается мастерством и тщательностью в воспроизведении деталей. Из общего монолита с помощью глубокого желобка и выемок выделена голова. Лицо имеет типично монголоидные черты. Путем выборки фона вокруг показаны прямой нос, соединяющийся с бровями и расширяющийся книзу, миндалевидные глаза, крупные скулы, приоткрытый рот и большие усы, загибающиеся вверх на концах. На остром подбородке можно предположить наличие бороды. На верху головы показана линия, вероятно, передающая прическу. На обеих боковых гранях тщательно изображены уши, в которые продеты серьги с каплевидными подвесками.

Обе руки, согнутые в локтях, реалистично воспроизведены на боковых гранях. В правой руке на уровне груди мужчина держит сосудик в виде кувшина: вытянутых очертаний, с удлиненным узким горлом и ручкой. Левая – находится на поясе. На обеих руках проработаны пальцы. Указательный и большой пальцы правой руки держат сосудик за ручку. Пояс показан двумя параллельными выбитыми линиями на всех четырех сторонах изваяния. Спереди при помощи двух коротких портупейных ремней к нему прикреплен коленчатый кинжал в ножнах, которые имеют характерные петли для подвешивания.

Сборы Ю.С. Худякова [Худяков, Плотников, Данченок, 1988, с. 55–56, рис. 4; 5, 6].

55. Изваяние древнетюркского воина

Торгалыг (Республика Тыва, Улуг-Хемский кожуун). VI–X вв.

Гравелит, техника точечной выбивки и шлифовки, барельеф.

94×33×26 см.

Инв. № МИКНС 4856/70 осн.

По одним сведениям, находилось на р. Торгалыг, близ с. Арыг-Бажи, и было ориентировано на восток – северо-восток [Евтихова, 1952, с. 83]. По другим – лежало на дне сухого русла р. Чоза, откуда было перемещено в с. Торгалыг и установлено у забора одной из усадеб [Худяков, Плотников, Данченок, 1988, с. 65].

Представляет собой круглую скульптуру, у которой из общего монолита выделена голова. На лице можно различить прямой нос, совмещенный с бровями, небольшие глаза и рот, усы, загибающиеся вверх на концах. На голове воспроизведен высокий головной убор. На правой стороне полукружьем обозначено ухо, в которое вдета серьга с каплевидной подвеской. Обе руки, согнутые в локтях, реалистично изображены на боковых гранях. В правой руке на уровне груди мужчина держит сосудик в виде кувшина. Левая находится на рукояти клиновидного оружия с перекрестием, подвешенного к поясу, на котором видны бляхи прямоугольной и портальной формы с прорезями. На правом боку за пояс заткнут предмет с округленными концами (нож?) и подвешена сумочка.

Сборы Ю.С. Худякова [Евтихова, 1952, с. 83, рис. 19; Худяков, Плотников, Данченок, 1988, с. 65, рис. 22, 2].

ЛИТЕРАТУРА О ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВЯНИЯХ

- Адрианов А.В.** К археологии Западного Алтая (из поездки в Семипалатинскую область в 1911 г.). – Пг.: [б.и.], 1916. – 92 с. – (Изв. Имп. археол. комиссии; вып. 62).
- Байбосынов К.** Жамбыл өңіріндегі тасмусіндер (Каменные изваяния Жамбылской области): фотоальбом. – Алматы: Өнер, 1996. – 176 с. (на каз. яз.).
- Баяр Д.** Монголын тов нутаг дахь турэгийн хун чулуу (Тюркские каменные скульптуры Центральной Монголии). – Улаанбаатар: Изд-во АН МНР, 1997. – 148 с. (на монг. яз.).
- Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д.** Монгол Алтайн хун чулуун хошоо (Каменные изваяния Монгольского Алтая). – Улаанбаатар: Монгол улс Шинжлэх Ухааны Академи Тухийн Хурээлэн, 1999. – 166 с. (на монг. яз.).
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники в Минусинской котловине (по материалам экспедиции XVIII–XIX вв.) // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. – С. 4–22.
- Бородовский А.П.** Исследование одного из погребально-поминальных комплексов древнетюркского времени на средней Катуни // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 75–82.
- Бородовский А.П.** Позднетюркский поминальник на нижней Катуни // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. – Барнаул: Азбука, 2001. – Вып. XII. – С. 176–179.
- Ван Бо, Ци Сяошань** Сычуо чжилу цаоюань шижэнъ яныцзю (Изучение каменных изваяний степей Шелкового пути). – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. – 313 с. (на кит. яз.).
- Васютин А.С.** Культовые памятники древних тюрок Горного Алтая (VII–X вв. н.э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 1983. – 16 с.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Гос. Музей Востока, 1996. – 151 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы по материалам исследований 1953–1960 гг. – М.: Вост. лит., 1961. – 95 с.
- Дворников Э.П.** Поминальные памятники древних и средневековых кочевников Горного Алтая: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2004. – 24 с.
- Досымбаева А.М.** Западный Тюркский каганат. Культурное наследие казахских степей. – Алматы: Тюркское наследие, 2006. – 168 с.
- Древние изваяния Сибири:** путеводитель / сост. В.Д. Запорожская, А.К. Конопацкий. – Новосибирск: Наука, 1980. – 14 с.
- Евтиюхова Л.А.** Каменные изваяния Северного Алтая // Тр. ГИМ. – 1941. – Вып. 16. – С. 119–134.
- Евтиюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 24. – С. 72–120.
- Ермоленко Л.Н.** Средневековые каменные изваяния казахстанских степей (типология, семантика в аспекте военной идеологии и традиционного мировоззрения). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 132 с.
- Жолдасбеков М., Сарткожаулы К.** Атлас Орхонских памятников. – Астана: Кюльтегин, 2006. – 360 с.
- Казакевич В.А. I.** Намогильные статуи в Дариганге. II. Поездка в Даригангу. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – 64 с. – (Мат-лы комиссии по исследованию Монгольской и Танну-Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР; вып. 5).
- Каменные изваяния алтайских гор.** Кожого Таш: фотоальбом / предисл. и слайды В.Д. Кубарева; сост. В.Э. Кыдыев. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 2007. – 168 с.
- Кляшторный С.Г.** Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах (К интерпретации Ихе-Ханыннорской надписи) // Тюркологический сборник 1974 г. – М.: Наука, 1978. – С. 238–255.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 86–98.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 158–162.

- Кубарев В.Д.** Каменные изваяния Алтая: краткий каталог. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. – 184 с.
- Кубарев В.Д.** Алтхайый чесаюджок (Поминальные памятники Алтая). – Сеул: Хагёнмунхваса, 1999. – 120 с. (на кор. яз.).
- Кубарев В.Д.** Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 24–54.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая в контексте природного ландшафта // Средневековая археология евразийских степей: мат-лы Учредит. съезда Междунар. конгр. – Казань: ИИ АН РТ, 2007. – С. 43–49.
- Кубарев В.Д.** «Каменные бабы» Алтая // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. (научно-популярный альбом). – Астана: KulTegin, 2008 – С. 111–128. (на рус. и каз. яз.).
- Кубарев В.Д.** Изваяния древних тюрок Алтая и Казахстана (общее и особенное) // Мат-лы междунар. конф. «Казахстан: прошлое, настоящее и будущее». – Астана: Культурное наследие, 2009. – № 1. – С. 44–46.
- Кубарев В.Д., Баэр Д.** Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4. – С. 74–85.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А.** Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1988. – С. 202–222.
- Кубарев В.Д., Кубарев Г.В.** Новые древнетюркские изваяния Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 307–311.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Новые каменные изваяния Монгольского Алтая // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1995. – Вып. 1. – С. 149–163.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 76–95.
- Кубарев Г.В.** Древнетюркские изваяния: воплощение эпических героев или воинов-предков? // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 136–144.
- Кубарев Г.В.** К вопросу о выделении раннетюркских изваяний и поминальных сооружений // Этническая история и культура тюркских народов Евразии: сб. науч. тр. – Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. – С. 136–140.
- Кубарев Г.В.** К вопросу о женских древнетюркских изваяниях на Алтае // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. – Кн. 1. – С. 339–346.
- Кубарев Г.В., Розвадовски А., Кубарев В.Д.** О новых древнетюркских изваяниях Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX; ч. I. – С. 373–376.
- Кубарев Г.В., Цэвээндорж Д.** Древнетюркские изваяния у г. Шивээт-Хайрихан и у оз. Даян (Монгольский Алтай) // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1999. – № 4. – С. 169–173.
- Кызласов Л.Р.** О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // СА. – 1964. – № 2. – С. 27–35.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 212 с.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува: (От палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. – 208 с.
- Малов С.Е.** Памятники древнетюркской письменности. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 452 с.
- Маргулан А.Х.** Каменные изваяния Улытау // Маргулан А.Х. Сочинения. – Алматы: Дайк-Пресс, 2003. – Т. 3/4. – С. 21–46.
- Могильников В.А., Елин В.Н.** Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 гг. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983. – С. 127–153.
- Молодин В.И., Полосымах Н.В., Новиков А.В., Богданов Е.С., Слюсаренко И.Ю., Черемисин Д.В.** Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 256 с. – (Мат-лы по археологии Сибири; вып. 3).
- Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока: путеводитель по экспозиции.** – Новосибирск: [б.и.], 2012 – 16 с.
- Плотников Ю.А., Худяков Ю.С.** Древнетюркские каменные изваяния в долине р. Торгальг // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1987. – С. 188–197.
- Полосымах Н.В., Богданов Е.С., Кубарев Г.В.** Древнетюркские изваяния Чаганбургазы (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 289–293.
- Рогожинский А.Е.** Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Рольnomадов в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 329–344.
- Соловьев В.С.** Новые находки древнетюркских изваяний в Южном Таджикистане // СА. – 1985. – № 2. – С. 246–248.
- Табалдиев К.Ш.** Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.
- Табалдиев К.Ш., Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники на Тянь-Шане (по материалам исследований Нарынского отряда) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2000. – С. 65–85.
- Табалдиев К.Ш., Шаменова А.А.** Каменные изваяния Бураны: путеводитель. – Бишкек: Изд-во КТУ «Манас»; Респ. археол.-архит. музей-комплекс «Башня Бурана», 2003. – 16 с.

- Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии (по материалам СМИКЭ в 1979–1982 гг.) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 168–184.
- Худяков Ю.С., Белинская К.Ы.** Каменное изваяние из урочища Айлян в Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 122–130.
- Худяков Ю.С., Ким С.А.** Древнетюркские поминальные памятники в долине р. Нарын в Туве // Памятники культуры древних тюрок в Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. – С. 23–54.
- Худяков Ю.С., Плотников Ю.А.** Древнетюркские каменные изваяния в южной части Убсунаурской котловины // Археологические, этнографические и антропологические исследования в Монголии. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 111–115.
- Худяков Ю.С., Плотников Ю.А., Данченок Г.П.** Археологические работы в зоне строительства автомагистрали Кызыл – Самагалтай – Хан-дагайты на территории Овюрского района Тувинской АССР // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки. – Новосибирск: Изд-во ИИФФ СО АН СССР, 1988. – С. 54–89.
- Чариков А.А.** Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1980а. – С. 130–140.
- Чариков А.А.** Новая серия каменных статуй из Семиречья // Средневековые древности евразийских степей. – М.: Наука, 1980б. – С. 213–234.
- Шер Я.А.** Каменные изваяния Семиречья. – М.; Л.: Наука, 1966. – 140 с.
- Эбель А.В., Буржуа Ж., Соёнов В.И., Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Себистея (Юго-Восточный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 335–338.
- Ямаева Е.Е.** Изваяние из урочища Согодёк // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск, 2003. – Вып. 1. – С. 90–91.
- Appelgren-Kivalo H.** Alt-altaische Kunstdenkäler. Briefe und Bildermaterial von J.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. – Helsingfors: Finnische Altertundgesellschaft, 1931. – 72 S.
- Granö J.G.** Archäologische Beobachtungen von meinen Reisen in den Nördlichen Grenzgegenden Chinas in den Jahren 1906 und 1907 // Suomalais-ugrilaisen Seuranaikakauskirja: Journal de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 1909. – Vol. XXVI. – 54 S., XVI Taf.
- Hayashi T.** Several problems about the Turkic stone statues // Türk dili araştırmaları yillığı (Yearbook of Turkic studies). Bulletin 2000. – Ankara: Turkish language institution, 2001. – P. 221–240.
- Kubarev G.V., Gilsu S., Tseveendorzh D.** Research on ancient Turkic monuments in the valley of Khar-Iamaatyn Gol, Mongolian Altai // Current archaeological research in Mongolia. – Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2009. – S. 427–435. – (Bonn contribution to Asian Archaeology; vol. 4).
- Kubarev V.D.** New Turkish sculptures of the Mongolia and Altai // Culture and Arts among Ancient Turks (Early ages). – Ankara, 2002. – Vol. I; pt. 13. – P. 954–961.
- Kubarev V.D., Zevendorz D.** Steinstelen aus der Westmongolei // Eurasia Antiqua. – 1997. – Bd. 2. – S. 571–580.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН МНР	– Академия наук Монгольской народной Республики
АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
ГАНИИЯЛ	– Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ	– Государственный исторический музей
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИАМ	– Историко-архитектурный музей под открытым небом ИАЭТ СО РАН
ИИ АН РТ	– Институт истории Академии наук Республики Татарстан
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИИФФ СОАН СССР	– Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
КазССР	– Казахская Советская Социалистическая Республика
КТУ «Манас»	– Кыргызско-турецкий университет «Манас»
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
МИКНС	– Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН
РАН	– Российской академия наук
СА	– Советская археология
СМИКЭ	– Советско-Монгольская историко-культурная экспедиция

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	3
ФЕНОМЕН ДРЕВНЕТЮРКСКИХ КАМЕННЫХ ИЗВЯНИЙ	4
КАТАЛОГ	17
ЛИТЕРАТУРА О ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ИЗВЯНИЯХ	74
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	77

Научное издание

Кубарев Владимир Дмитриевич
Кубарев Глеб Владимирович

**КАМЕННЫЕ ИЗВЯНИЯ ДРЕВНИХ ТЮРОК
ЮЖНОЙ СИБИРИ**

КАТАЛОГ КОЛЛЕКЦИИ

МУЗЕЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА
И ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ ИАЭТ СО РАН

Редактор *E.B. Кузьминых*
Технический редактор *Т.А. Клименкова*
Дизайнер *М.О. Елисеева*

Подписано в печать 22.04.2013 г. Бумага мелованная. Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9,3. Уч.-изд. л. 11,8. Тираж 300 экз. Заказ № 322.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17.